

Северус Стенд
и
осколки времени

Леночок

Северус Снейп и осколки времени. — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2005. — 45с.

ISBN not allocated

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Severus Snape and splinters of time.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не ограничения по возрасту.

© **Леночок**, elenamariu@list.ru, 2005.

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2005.
Впервые опубликовано онлайн в 2005 году.
Бета ридеры: Ромашка, Полинка
Корректор: Андрей

® Вёрстка. Ombro, 2005

Народный перевод Гарри Поттера
www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)
Электронная почта: mail@yarik.com

Глава 1. Начало.

Все мы родом из детства.
А. де Сент-Экзюпери

Когда родился маленький Северус, Нерону Снейпу было уже за сотню. Будучи потомком Кочень древнего, старше Малфоев, но почти полностью разорившегося рода, старик кичился своим происхождением так, будто он, по меньшей мере, — король Великобритании.

Мать Северуса, урождённую Маргариту МакГрегор, Нерон Снейп никогда не любил, скорее презирал. Женившись в девяносто девять лет, единственно для того, чтобы не дать заглохнуть роду, старый гордец не мог простить супруге недостаточно высокого, на его взгляд, происхождения. Маргарита была из семьи магов, но не безукоризненно чистой крови, притом бедной и многодетной. МакГрегоры сочли предложение старого Снейпа лестным и выгодным для дочери, а мнения будущей невесты никто и не спрашивал. Нерон же согласился на такую «позорную» партию лишь потому, что никто из аристократов магического мира не желал с ним породниться по причине его пустого кошелька. Да и не все отцы-волшебники были настолько безжалостны, чтобы отдать родную дочь за ворчливого желчного старика, каким был Нерон Снейп.

Воспитанная в строгости и послушании, Маргарита терпеливо сносила постоянную брань и несправедливые попреки мужа. Робкая и тихая от природы, она и не пыталась защититься. Ярость супруга и его ядовитый сарказм одинаково вызвали слёзы на её бледном, быстро растерявшем красоту лице. Проявления слабости не смягчали Нерона, наоборот, он лишь больше презирал эту «бледную немочь».

Собственно, кроме унижений и издевательств над собственной женой, у старого Снейпа не было других развлечений. Гостей Снейпы не принимали, сами на приёмах, даваемых в великосветском магическом обществе, не бывали: отчасти, по причине безденежья, а скорее из-за угрюмого нелюдимого нрава Нерона. Навещать родителей, вести переписку и выходить за ограду, окружавшую мрачный замок, миссис Снейп не позволялось. Человеческой прислуги у них не было. В огромном, запущенном замке их было только двое, не считая единственного эльфа, который, при всём трудолюбии, не мог бы содержать в порядке сотню пустых, заросших паутиной комнат и залов.

Замок не сразу пришёл в упадок, когда-то всё было иначе. Ещё при прадеде Нерона, Северусе Снейпе, жившем в восемнадцатом столетии, клан их был богат и многочислен, замок принимал гостей, кладовые ломились от всевозможных яств, а погреба до отказа были заполнены бочками лучшего вина. То был золотой век рода Снейпов. Наследники всё промотали. Тратя фамильное добро, нажитое поколением отцов, сами они не торопились обзаводиться потомством.

В итоге от всего славного рода остался один старый Нерон, а от многочисленных богатств, обширных земельных угодий, нескольких загородных поместий и домов в Лондоне и Эдинбурге, остался лишь старый фамильный замок, запущенный, обветшавший, растерявший весь лоск...

Нерон ещё помнил старинные портреты в золоченых рамах, резную мебель из дорогого морёного дуба, серебряные подсвечники, золотые статуэтки, изображающие крылатых коней... Как он всё это любил! Мальчиком Нерон обожал бродить по замку, переходить от одного сокровища к другому, разглядывать их долгими часами, осторожно касаться, вдыхать их тонкий, одному ему понятный запах... Нерон Снейп боготворил дорогие, по-настоящему ценные вещи, люди его никогда не интересовали, презрение к ним он впитал с молоком матери.

...Замок. В детских мечтах он был здесь хозяином. Он, а не отец. Маленький Нерон презирал Клавдия Снейпа. Жалкий, слабый человек, тот всю жизнь находился под каблуком жены, жестокой и властной Агриппины, в девичестве МакНейр. Между матерью и сыном никогда не было любви, но их обоих объединяло отвращение к Клавдию и ненависть к его страсти — отец был игрок. Он-то и промотал последние остатки бывшего великокопья... Где старинные портреты? Где золотые статуэтки? Всё пожрал безумный демон азарта, будь он проклят!

Старик и сейчас ещё гневался, годы не притупили обиды... Отец разорил их. Если бы доведённая до отчаяния мать не отправила супруга на тот свет — вот откуда семейная страсть

к зельям — то и замок, фамильная твердыня, последнее, что сохранилось у Снейпов, пошёл бы с молотка...

Оставшихся денег, которые любившие жить на широкую ногу предки не успели промотать, вполне бы хватило на небольшой уютный домик, но Маргарита, осмелившаяся как-то об этом заикнуться, горько раскаялась в своей дерзости. Старик пришёл в неопишущую ярость, побагровел и, шипя и брызгая слюной, стал с кулаками надвигаться на девушку. Как! Покинуть замок, построенный Конрадом Коварным? Замок, в который вернулся с остатками войска после битвы с Генри Гриффиндором в Узком Ущелье Ричард Рьяный? Замок, в котором поколения знаменитого рода Снейпов, сменяя друг друга, жили с начала одиннадцатого столетия? Только такая безмозглая дура, как его никчёмная жена, не способная даже зачать наследника, могла предположить такое!

Маргарите, действительно, несколько лет никак не удавалось забеременеть, в чём она, по обыкновению, винила одну себя. Хоть в этом старый Нерон был согласен с женой. Целыми днями он талдычил Маргарите о её неполноценности, упрекая в бесплодии, и всякий раз наслаждался, доводя жену до слёз.

Поняв, что муж никогда не даст ей развода — он не мог доставить супруге такого удовольствия — Маргариту стали преследовать мысли о самоубийстве. Неоднократно она пыталась покончить с собой, но каждый раз не хватало решимости. Наконец, не вынеся очередной порции издевательств, миссис Снейп выпила один из многочисленных ядов, хранившихся в коллекции мужа.

Умереть Маргарите тоже не удалось. Как оказалось, домашний эльф Снейпа, Хьюго, вместо того чтобы наводить чистоту в бесчисленных пыльных коридорах, повинувшись приказу хозяина, всё время не спускал с неё глаз — очевидно, старый паук боялся, что девушка попытается сбежать. Хьюго с удовольствием наблюдал, ничего не предпринимая, за всеми попытками Маргариты наложить на себя руки, и, лишь увидев, как она корчится на залитом кровавой пеной полу, эльф аппарировал за своим хозяином, и тот силой влил в жену противоядие.

Этот случай ещё больше ожесточил Нерона. В тот день, едва придя в сознание, молодой миссис Снейп суждено было познать на себе действие всех запрещенных заклятий, кроме «авады», хотя Маргарита готова была молить всех богов, какие только существуют на свете, чтобы пытка поскорее кончилась, пускай и ценой её смерти.

Если до этого дня Маргарита сетовала на свою горькую долю, теперь она вспоминала о ней с ностальгией. Муж уже не искал повода, чтобы её наказать, а просто брал и наказывал. «Круцио» в замке Снейпов стало таким же употребительным выражением, как в других семьях «спасибо» или «доброе утро». Женщина целыми днями бродила по темным забытым комнатам, всей душой стремясь сделаться маленькой и незаметной, дабы не попасться на глаза мужу или его верному прихвостню Хьюго.

* * *

Так прошло несколько лет, в течение которых, впрочем, Нерон Снейп не забывал, для чего он взял себе жену, и Маргарита, уже не чаявшая зачать ребенка, однажды поняла, что беременна. Узнав об этом, старик страшно обрадовался и даже позволил жене отныне гулять вокруг замка — после неудавшегося суицида Маргарита была лишена и этого права. Отношение его к жене стало мягче. Снейп позволял себе издёвки и сарказм, но не бил и не мучил заклинаниями. Давно позабывшая, что такое добро, женщина была рада и этому.

Беременность протекала тяжело, видимо, сказались ужасные условия и нервное напряжение последних лет. Целителей муж не приглашал, и саму не отпускал в больницу, похоже, боялся, что Маргарита расскажет о том, как он нарушал закон и применял к ней запрещенные заклятия.

Приближался срок родов, и миссис Снейп всё чаще напоминала мужу, что без помощи не родит, может погибнуть не только она, но и ребенок. Нерон оставлял её просьбы без внимания, или начинал браниться и обвинять супругу в глупости, или обещал, что роды прекрасно сможет принять домашний эльф. Маргариту эти отговорки не могли успокоить. Чувствовала она себя ужасно: с трудом передвигалась, ноги и руки отекали. Мрачные предчувствия преследовали её. Миссис Снейп убедила себя, что либо она, либо ребенок обязательно погибнут. Целыми днями Маргарита ревела в своей комнате, и никто в этом пустом каменном склепе, который её чокнутый муж называл замком, никто в целом мире, таком же холодном, пустом и бездушном, никто не приходил, чтобы её утешить и успокоить.

Однажды ночью она проснулась от резкой боли. Постель была мокрая. Маргарита догадалась, что это отошли воды. Боль повторилась. Женщина страшно перепугалась. Всё что угодно, только не быть сейчас одной. Маргарита громко закричала, вложив в крик весь остаток сил.

Нерон и Хьюго сразу же аппарировали к ней. Пусть для мужа она была никто, но сейчас старый Нерон был озабочен появлением наследника. Взглянув на жену, он сразу понял, что без врача не обойтись, однако, прежде чем отправить эльфа за целителем или какой-нибудь ведьмой-повитухой, старик вырвал у Маргариты обещание, что она не будет на него жаловаться. Несчастной страдальце было так плохо, что она готова была не только пообещать что угодно, но и душу продать, лишь бы мучения поскорее закончились. Нерон кивнул Хьюго, и тот, понимавший хозяина без слов, сразу же аппарировал.

Спустя шесть часов непрерывного кошмара, Маргарита разрешилась от бремени мальчиком. Обессиленная женщина упала на постель, возле хлопотала добродушная пожилая ведьма. Убаюканная непривычной лаской воркующего тихого голоса, роженица задремала. Младенец, вымытый и спеленатый, лежал у неё на груди и сладко причмокивал. Их первая встреча была прервана появлением Хьюго. Грубо оторвав заплакавшего малыша от матери, эльф унёс его к хозяину. Маргарита, решив, что ребенка забрали навсегда, громко и страшно завывала, как волчица над трупами волчат. Перепуганная целительница бросилась её успокаивать, недоумевающая такой странной реакцией на то, что ребенка понесли показать отцу. Добрая старушка гладила спутанные волосы несчастной и шептала ей утешительные слова до тех пор, пока Маргарита не впала в забытие от усталости и измождения.

* * *

Когда Хьюго принес показать хозяину его новорожденного сына, Нерон Снейп нашел его чересчур маленьким, чересчур красным и чересчур уродливым. Как ни старался, он не мог обнаружить на крохотной сморщенной мордочке орущего младенца фамильные черты Снейпов или МакНейров. Где знаменитый орлиный профиль, который Нерон с детства привык видеть на семейных портретах? Какая-то пуговка с дырочками — вот и весь нос. А где тонко очерченные, изящные, вечно приподнятые в презрительном вопросе, брови Агриппины МакНейр? На том месте, где у людей обычно растут брови, старик, дотоле никогда не видевший новорожденных, смог отыскать лишь нежный слабый пушок.

Разочарованный, глава дома Снейпов бросил своего отпрыска в протянутые руки услужливого Хьюго. Тот поклонился хозяину и с громким хлопком исчез. Старый Нерон устало рухнул в ветхое кресло, обитое полопавшейся тёмно-коричневой тканью. О! Какая тишина... Только сейчас он понял, как его раздражали вопли младенца. Нет, больше Нерон не желал видеть этого зверёныша. Пусть сперва подрастёт, станет человеком, вот тогда отец возьмётся за его воспитание.

* * *

Когда муж не слышал, Маргарита звала малыша Севи.

Снейп нарёк мальчика Северусом. Это было семейное имя, так, кажется, звали прадеда Нерона. Разумеется, муж не поинтересовался мнением Маргариты, в его семье принято давать детям странные имена, взять хотя бы, как звали мать Нерона — Агриппина — ужасно звучит. Но Северус — красивое имя, только холодное какое-то. Если б называла сына она, Маргарита, остановилась бы на Алане. Алан Снейп.

...Ей так хотелось бы ещё и дочку... Но после рождения наследника муж к ней не прикасался. Не сказать, чтобы это огорчало Маргариту, старый мерзавец был ей глубоко противен, но, только родив сына, она обрела своё призвание в жизни и узнала, что такое счастье. Да, именно: миссис Снейп, впервые с того момента, как стала так называться, была счастлива! Это блаженное чувство Маргарита испытывала всякий раз, беря на руки своё дитя. Ей нравилось кормить грудью, укачивать, напевая колыбельные песенки, слышанные в детстве от матери. Нравилось играть с малышом, заново открывать вместе с ним окружающий мир. Жизнь наполнилась смыслом, Маргарита уже позабыла, что когда-то испытывала только два чувства: страх и невыносимую скуку. Всё её время было занято маленьким сыном. Кормление, сон, переодевание, массаж, купание, снова кормление... Когда Севи понадобилась иная пища, кроме материнского молока, Маргарита стала готовить ему сама, не доверяя домашнему эльфу. Даже детские вещи она предпочитала стирать сама.

Став матерью, Маргарита изменилась. Её уже не так просто было довести до слёз. Если муж бранил или изощрялся над женой в остроумии, она молча с непроницаемым видом смотрела на него, терпеливо ожидая, пока у старика иссякнет словарный запас. Такое поведение злило его, но Нерон больше не применял к жене силу, может, потому что перестал чувствовать исходящий от неё страх, а, может, причиной было появление желанного наследника.

Маленький живой комочек, её сын, стал для женщины единственной отдушиной. Маргарита полностью отдалась материнству. Старшая девочка в семье, где росло одиннадцать детей, она сызмальства умела обращаться с младенцами. Старшей дочери МакГрегори не давали бездельничать. Детства, с играми и ребячьими забавами, у неё почти и не было. Десять маленьких братьев и сестёр, с которыми надо было нянчиться, властный и суровый отец, требовательная мать... Миссис Снейп владела только теми заклинаниями, которые применимы в домашнем хозяйстве — им она научилась от родителей. В школу её не отдали. Во-первых, матери нужна была помощница. Во-вторых, у родителей не было денег... Хотя, Майкла с Дунканом они отправили учиться в Хогвартс... Наверное, потому что мальчишки... А самую младшую из сестёр, Катриону, в школу взяли бесплатно. За неё заплатило Министерство Магии, «ввиду исключительных по силе магических способностей». А у неё, Маргариты, «исключительных способностей» не оказалось... Впрочем, она не завидовала сестре, просто жалела, что не по своей воле осталась без образования. Если бы умела аппарировать, разве задержалась бы в этой тюрьме дольше пяти минут? Метлы у неё не было, камин в замке были отключены от сети: старик Снейп не жаловал гостей, а сам, в случае надобности, мог аппарировать. Да и по-магловски сбежать не удастся, Маргарита уже проверяла: ворота заколдованы.

* * *

Маргарита была несказанно рада, что муж оставил её и сына в покое. Она опасалась, что Нерон, безжалостный и циничный человек, дурно повлияет на характер ребенка. К тому же она боялась, что его жестокость обратится против маленького Северуса, как когда-то против неё. К счастью, опасения миссис Снейп не оправдались — старик больше не проявлял к младенцу никакого интереса.

С мужем Маргарита встречалась только во время трапез. Правда, на время отсутствия маленького Севи приходилось оставлять с Хьюго, так как мужа раздражал детский плач. Она пошла на это, скрепя сердце, но ей пришлось признать, что эльф неплохо поладил с малышом. Сколько бы Маргарита МакГрегор ни прожила в замке в роли миссис Снейп, всё равно осталась бы для эльфа чужой, но маленький Северус, в силу своего происхождения, был «своим». И, хотя Маргарите казалось невероятным, чтобы этот мерзкий субъект мог испытывать какие-то нежные чувства, похоже, что он искренне привязался к малышу.

Нерон настаивал, чтобы супруга прислуживала ему за столом. Кроме ухода за ребенком, это было её единственной обязанностью в доме, с остальными худо-бедно справлялся Хьюго. Маргарита не имела ничего против, прислуживать за столом — пожалуйста, не графиня ведь какая-нибудь. Она была даже рада, так как боялась принимать пищу из рук домашнего эльфа. Кто знает, вдруг теперь, когда старик наконец дождался наследника, решит, что жена ему больше не нужна, и захочет её отравить?

Глава 2. Детство.

Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша,
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.

И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,
Приветственным шелестом
встреченный
Коротких осенних минут.

Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблён.

О. Мандельштам

Многие годы, и время показало, как не прав был старый Нерон. Всё резче в наследнике проявлялись черты дома Снейпов. От матери мальчик унаследовал лишь бледный, пожалуй, даже чересчур бледный цвет кожи.

Чем старше становился Северус, тем чаще отец уделял ему время. Старший Снейп многому мог научить, он был сильный маг, особенно искушённый в зельях и чёрной магии.

Северуса одновременно и притягивали, и отталкивали эти уроки. С одной стороны, он понимал, что владение волшебством делает его сильнее. Сила, как ничто другое, привлекала юного Снейпа. Но в то же время, Северус боялся отца. Стоило мальчику совершить малейший промах, проявить недостаточную сообразительность, и Нерон тут же приходил в ярость. Старик кричал на него, обзывал кретином, недоумком, полным ничтожеством. Отвесить сыну пощечину за неправильный ответ было в порядке вещей. Что до присущего старику ядовитого сарказма, без которого не обходилась ни одна его реплика, то Северус к нему быстро привык, сочтя такую манеру речи вполне естественной и приемлемой для себя, чем очень огорчал мать.

Чувства, которые Нерон испытывал к сыну, были достаточно сложными. Нельзя сказать, чтобы он совсем не любил его, но нежности к сыну старик не испытывал. Много, *слишком* много ожиданий возлагал он на мальчика. Маргарита всё понимала, но ничего не могла с этим поделать. Доходило до того, что, когда Северус болел, а это случалось часто, Нерон приходил в бешенство и проклинал жену и сына за то, что последний из Снейпов — жалкий, хилый слабак.

* * *

Поступления Северуса в школу все трое Снейпов ожидали с различными чувствами.

Маргариту приводила в отчаяние перспектива долгой разлуки с любимым ребёнком, всё-таки сын был единственным, что примиряло её с этой жизнью. Но, помимо материнского эгоизма, ею руководили и другие чувства. Хорошо, что вдали от дома Северус будет меньше подвержен влиянию Нерона. Женщина с болью наблюдала, как всё больше появляется у сына отцовских черт. Ах, если бы мальчик нашел себе в школе настоящих друзей! Северусу уже одиннадцать, а у него нет никакого опыта общения со сверстниками. «Наверное, у сына уже целая куча двоюродных братьев и сестер, но ни он, ни я об этом не знаем...» Муж запрещал встречаться и переписываться с её родней, а те, наверное, посчитали, что Маргарита возгордилась, став миссис Снейп, и сама не желает иметь с ними ничего общего. Впрочем, эту меру Нерон счел недостаточной. Он, угрожая, что всё равно узнает при помощи веритасерума, запретил жене рассказывать Северусу о её низком происхождении. (Дедушка Маргариты, Том Лукас, был маглом, обычным крестьянином).

Эльф и отец методично вдалбливали мальчику мысли о его исключительности и превосходстве над другими людьми, о чистоте крови, о древности рода и прочую, по мнению

Глава 2. Детство.

матери, опасную чушь. Волдеморт в те годы набирал силу, и старый Нерон следил за ним издали с пристальным интересом и восхищением.

Сам старик возлагал на сына большие надежды. Он желал видеть его не меньше, чем лучшим учеником школы, чемпионом по игре в квиддич, старостой... Больше же всего Нерон боялся, что сын при распределении попадет в Хаффлпафф, приют для слабоумных, или в Гриффиндор, скопище идиотов и хвастунов.

* * *

Одиннадцатилетний Северус ждал первого дня учебы с жадным нетерпением. Отцовский замок, который мальчик изучил до последнего дюйма, ему уже осточертел. Но из-за старого уroda, который, к несчастью, являлся его отцом, они с матерью больше нигде не бывали.

На родословном древе семьи, которое отец заставил Северуса вызубрить наизусть, в тени пышной ветви МакНейров, состоявших с ними в родстве через покойную бабуку, возле имени Нерона Снейпа стояло лаконичное «Маргарита МакГрегор», никаких нитей от этого имени не шло, будто его обладательница свалилась с неба, а не была рождена от отца и матери. Заинтересовавшись, Северус неоднократно спрашивал об этом маму, отца и домашнего эльфа, но так ничего и не добился.

Кроме этих троих, мальчик ни с кем не общался. Эльф относился к нему неплохо, но никогда не шёлна поводу у Северуса, если это противоречило приказам Нерона.

Мать любила сына беззаветно, и он отвечал ей тем же, рано почувствовав свою ответственность за неё.

Отношения с отцом были намного сложнее. Иногда, когда старый Нерон, сидя за потрепанным письменным столом, сосредоточенно и увлеченно правил рукопись, труд всей своей жизни, Северус любовался стариком, его хищным профилем, умными, живыми глазами. В такие минуты мальчик почти любил его.

Когда у Северуса что-то не получалось, или он забывал нужное заклинание, мальчика охватывал страх перед гневом отца, ни о какой любви уже не могло быть и речи.

Но, когда старый Нерон кричал на жену, а это случалось довольно часто, Северусу хотелось умереть от жалости к маме, от ненависти к отцу и от сознания собственного бессилия.

* * *

Надежды матери не оправдались: в школе сын не нашёл себе друзей. Вечно настороженный, как волчонок, угрюмый и высокомерный, этот болезненного вида черноволосый мальчик вызывал у сверстников неприязнь. Шляпа хотела отправить Северуса на факультет Минервы МакГонагалл, но он, помня наставления отца, как молитву повторял: «Только не в Гриффиндор, только не в Гриффиндор», и шляпа, сдавшись, определила его в Слизерин.

С первого же дня юный Снейп накинулся на учебу, как голодный зверь на мясо. Северус поставил себе целью добиться высших оценок по всем предметам. Он не мог мириться с чьим-либо превосходством — чужой успех казался ему личным оскорблением.

Среди ровесников Северус привык держаться особняком. Вскоре ребята разбились на небольшие группки, образованные вокруг нескольких лидеров. Мальчишки держались вместе, чаще по двое и по трое. Северус же остался один. К нему никто не тянулся, а сам он из-за гордости и упрямства, унаследованных от отца, никогда бы не признал чье-то лидерство, да и не сделал бы к сближению первый шаг.

* * *

Тишину слизеринской спальни не нарушал ни один звук. Шестеро мальчиков посапывало в своих кроватях, и лишь седьмой, свернувшийся калачиком под одеялом, не спал.

Как же тоскливо было одиннадцатилетнему Севи в Хогвартсе. Какое здесь всё чужое. Одноклассники не понравились: шумные тупые мальчишки, сразу же исключившие его из своих игр, противные глупые девчонки, плаксы со злыми языками... Первое время ему было безумно тяжело без матери. Каждый день школьные совы уносили в замок Снейпов длинные, исписанные мелким неровным мальчишеским почерком письма. Северус ни словом не упоминал в них о том, что могло бы расстроить мать: ни об обидном прозвище, закрепившемся с первых же дней, ни о своём одиночестве, ни о том, что у него появились враги. Настоящие враги, которых Северус ненавидел, и которые ненавидели его.

Мама... Только здесь, в Хогвартсе, в разлуке с ней, Северус осознал, как много она для него значит. Мама. Единственная, родная, любимая...

Как тяжело сознавать, что там, в замке, она точно так же страдает без него.

Отец. Он снова будет её обижать.

Мальчик стиснул зубы, чтоб не заплакать.

Убедившись, что все спят, он накрылся с головой одеялом и посветил голубоватым огоньком на маленькую волшебную фотографию. Усталая женщина со светлыми серыми глазами и рассыпавшимися по плечам тонкими волосами цвета сухой соломы. На лбу собрались тревожные морщинки. Глаза глядят на сына с такой любовью. Любовью, готовой всё понять и простить.

«Мама, знала бы ты, как мне здесь плохо», — предательская слезинка скатилась с ресницы на щеку. Длинный нос мальчика уткнулся в подушку. Мелко задрожали острые плечи с рассыпанными по ним длинными неухоженными чёрными волосами, но ни один звук не нарушил тишину слизеринской спальни.

* * *

Впервые за долгие годы её комната вновь стала тюрьмой.

Никогда ещё Маргарите не было так одиноко. Когда она, обняв сына в последний раз, глядела, как Нерон с нетерпеливой бранью выставляет Севи за дверь, подталкивая в спину огромным старым чемоданом, матери показалось, что сердце её отныне рассечено напополам. И рана будет кровоточить до тех пор, пока Маргарита снова не увидит сына.

После отъезда Северуса в Хогвартс, муж вновь стал более раздражительным. Нерон постоянно срывался на жене, мог и ударить. Спасибо, хоть «круцио» не применял.

Но Маргариту мучило не это. Всю любовь, всю душу вложила она в своего мальчика, кровиночку свою, Севи. А жизнь, злая, несправедливая жизнь оторвала его от матери, закружила в водовороте...

Да, это неизбежно, Маргарита понимала. Все дети отправляются в школу, растут, становятся взрослыми... Но она никогда не прилагала это правило к Севи. Маргарите казалось, что Северус, самый близкий, родной, ненаглядный, никогда её не покинет. Севи, её черноволосое солнышко.

Одна отдушина оставалась — письма. Каждый день сын присылал сову с длинным, полным любви и нежности посланием. Но не только радость приносили эти письма. Простая, бесхитростная женщина, Маргарита Снейп, вооруженная любовью и беспокойством за своего ребёнка, стала чуткой и прозорливой.

«Почему Северус ничего не рассказывает о друзьях?.. Почему в письмах ни слова нет о ребятах? Неужели ни с кем не нашёл общий язык?»

Маргарита воровато оглянулась, ища, не подглядывает ли за ней Хьюго, и достала из-под матраса детскую голубую распашонку. Прижалась щекой к яркому цветному лоскутку и дала волю слезам.

* * *

День обещал быть поистине чудесным. Мало того, что начались рождественские каникулы, и Севи возвращался домой, так еще и муж оказался занят. Стратегия скупости и бережливости принесла плоды, и сегодня он заключал какую-то важную сделку. Поэтому на вокзал «Кингс Кросс» встречать сына отправилась Маргарита, впервые за пятнадцать лет покинувшая замок.

Поездка на автобусе «Ночной Рыцарь», прогулка по магловскому Лондону... Сколько ярких, незабываемых впечатлений! Будет о чём вспоминать в своей комнате, коротая долгие зимние вечера.

Вот, наконец, и вокзал. Даже нужную платформу оказалось не так уж и трудно отыскать.

Поезд. О! Какой красивый! Маргарита видела его один раз, давным-давно, когда всей семьёй провожали в школу старшего из братьев, Майкла. Где-то он сейчас, чем занимается?

Поезд медленно подкатил к платформе, и Маргарита подбежала поближе, пристально всматриваясь в окна. Сейчас, сейчас увидит она своего мальчика...

Вот он! Стоит на подножке вагона, напряжённо вглядываясь в пёструю толпу встречающих. Её не заметил.

Маргарита подняла руку, чтобы помахать сыну, но в это мгновение произошло что-то неправильное. Высокий ладный паренёк с встрепанными чёрными волосами неожиданно резко толкнул её мальчика в спину, тот не смог удержаться и упал на платформу.

Глава 2. Детство.

Сердце матери остановилось. Хотелось кричать от несправедливости, плакать, будто её саму, одиннадцатилетнюю, подло вытолкнули из поезда. Хотелось вцепиться в лохмы этому маленькому негодяю. Хотелось броситься к сыну, поднять, отряхнуть и обнять крепко-крепко... Нельзя этого делать. Северусне должен узнать, что мама была свидетельницей его унижения, это ранит ещё больше.

Северус успел подставить руки во время падения, да и толстая зимняя одежда помогла, отделался только расшибленными коленями и содранными ладонями. Сразу же вскочив, хотел кинуться на Поттера, но краем глаза успел заметить мать. Она стояла метрах в десяти и смотрела в противоположную сторону, будто кого-то искала в толпе. Сердце упало. «Значит, мама всё видела». Северус понял это по тому, как была напряжена её спина, по упорному нежеланию оборачиваться. «Видела, но не хочет, чтобы я об этом догадался».

Северус подошёл к матери и осторожно тронул за рукав.

— Севи! — она притянула сына к себе.

Маргарита ласково разжала сжатые кулаки сына и охнула, увидев разбитые в кровь ладони.

— Ферула, — бинты перевязали раны, сделав кисти мальчика похожими на два белых голубя.

Северус искоса наблюдал за своими врагами. Блэк насмешливо, с гаденькой улыбочкой смотрел на него. Люпин, как всегда, отвернулся. Петтигрю что-то быстро шептал на ухо ухмыляющемуся Поттеру.

«Ну вот. Теперь ко мне ещё и слава маменькиного сынка прилипнет. Уж эти-то гады постараются».

«Ну и пусть. Они не заставят меня смутиться».

Северус порывисто обнял мать.

«Пусть видят, сволочи. Пусть знают, что мне на них плевать».

Глумливая улыбка исчезла с лица красивого черноволосого мальчика, он отвернулся.

«Мне показалось, — подумал Северус, исподтишка наблюдавший за противником. — Или Блэк, и правда, мне завидует?»

Северус забрал у матери чемодан, и рядом с ней зашагал к выходу с платформы.

Глава 3. Побег.

Отравлен хлеб, и воздух выпит:
Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать.

О. Мандельштам

Счастливые дни пролетают быстро. Не успеешь оглянуться — а их уже и след простыл. Другое дело — будни: однообразные, тоскливые, бесконечные, сливающиеся в какое-то серое беспросветное марево.

Вот и промелькнули рождественские каникулы, будто и не было их. Осталось лишь горьковато-сладкое щемящее послевкусие, как если бы в голод закатили блестящий пир, но предупредили, что — последний.

На Маргариту снова нахлынуло отчаяние. Не постепенно — резко: как только захлопнулась дверь, и Северус, подгоняемый отцом, оказался отделённым от неё этой преградой. А дальше — хуже. Маргарита сознавала, что с каждой минутой растёт разделяющее их расстояние, натягивая спрятанную где-то внутри пружину, причинявшую нестерпимую боль.

Решение родилось внезапно, как озарение. Оно прилетело к Маргарите вместе с первой совой от сына, принесшей весть о том, что Северус благополучно добрался до школы.

Хватит! Сколько можно терпеть выходки мужа! Пора бежать наконец из этого проклятого замка. И она знает как: совы, школьные совы, которые приносят письма от Севи. Она воспользуется совой. Напишет домой, что не может здесь больше жить. Родители непременно помогут. Может, пришлют метлу, и тогда даже Нерон не сможет помешать.

Как неистово заколотилось сердце! Только бы не выдать себя! Загнать мысль о спасении как можно глубже! Думать о чём угодно, только не о побеге. Лучше всего о сыне — нет ничего естественней, а муж ничего не заподозрит.

Уже неделя. Целая неделя. Бесконечно длинные семь дней прошло с тех пор, как улетело письмо. А ответа до сих пор нет. Что же могло произойти? Может, сова заблудилась? А, может, родители больше не живут по тому адресу, ведь минуло столько лет? Ведь не могли же они остаться равнодушными!

...Где-то живут братья и сёстры... Но как их найти? Когда разорвалась связь с семьёй, они были ещё детьми и жили вместе с родителями.

Что же делать?

О! Вот она, идея! Младшая сестра, Катриона, была одной из лучших учениц Хогвартса. Может, там знают что-нибудь о её дальнейшей судьбе?

Маргарита знала, кому она адресует письмо. Конечно же, Альбусу Дамблдору. Не зря же она столько хорошего слышала о нём от Майкла, Дункана и Катрионы. Дамблдор и сейчас директор Хогвартса, хотя ему уже за сто.

Не ошиблась она, когда обратилась к старому магу. Ответ пришёл в тот же день.

«Какой хороший человек! Поинтересовался, не требуется ли мне его помощь, а ведь совсем меня не знает. И сестру как хвалит! Пишет, что живёт она сейчас в Эдинбурге, работает в Институте Магии, в отделе экспериментальных разработок...»

Маргарита исполнилась гордости за младшую сестру.

«Надо же! А когда я последний раз её видела, Катриона была совсем девочкой. Хрупкая, тёмно-русская с умненькими глазками... А теперь какие-то экспериментальные разработки... Выросла моя сестрёнка».

Ответ от сестры пришёл через день. Катриона писала, что поможет, но просила Маргариту ещё несколько раз хорошенько обдумать своё решение.

Сколько же ещё можно думать! Она пятнадцать лет только об этом и думает! Да, да, да...

Не дав уставшей сове ни минуты отдыха, Маргарита быстро настрочила ответ на обороте письма сестры.

Ну всё. Теперь бы только дожидаться!

Ждать пришлось недолго, Катриона сдержала слово. На следующую ночь Маргариту разбудило царапанье по стеклу когтистой свиной лапы. Потягиваясь спросонья и морщась

от неприятного звука, женщина нехотя привстала с постели. И вдруг стремительно, будто её кипятком ошпарили, подскочила. Да это же сова от Катрионы! И не одна! Несколько сов! И они держат большой, завёрнутый в бумагу свёрток! А в нём... В нём, наверное, метла!

Маргарита оказалась права. Метла, настоящая метла. Женщина готова была расцеловать сов. Но птицы, кажется, предпочли бы, чтобы их просто накормили. Вот незадача! У миссис Снейп ничего с собой не было. А идти на кухню — слишком большой риск, можно встретить Хьюго.

— Вы уж простите, но у меня ничего нет, — извинилась она перед крылатыми почтальонами.

Те недовольно поухали и вылетели в окно. Последняя ещё и клюнула Маргариту за палец.

Но той было не до таких мелочей. Она быстро побросала в мешок свои незамысловатые пожитки, накинула мантию и вылетела вслед за совами в открытое в ночь окно.

Господи! Так вот что такое — свобода! Полёт! Ощущение, которое невозможно сравнить ни с чем! Когда она в последний раз летала? Пятнадцать лет назад? Да и метла-то была не её, а Майкла, и куда хуже этой!

Когда эйфория закончилась, женщина поняла, что по описанию, данному в письме Катрионой, она никак не может сориентироваться. Темнота заволокла землю. Куда лететь — совершенно непонятно. Было откуда взяться отчаянию, но Маргарита вспомнила о «Ночном Рыцаре». Ну конечно! Надо всего лишь приземлиться возле дороги и проголосовать волшебной палочкой.

Через пять минут она уже тряслась на ухабах, вцепившись в спинку кровати с металлическими шариками, на которой сидела: свободных кресел в автобусе не оказалось. Мешок с вещами и сестрина метла болтались в проходе. В зависимости от того, ускорялся или тормозил автобус, их швыряло то назад, то вперёд.

Спасибо доброму кондуктору, что согласился провезти в долг. Денег, оставшихся после поездки в Лондон, у Маргариты уже не было. Нерон отобрал их сразу по возвращении. «Ну ничего, как только окажусь у сестры, попрошу эти одиннадцать сиклей у неё и вышлю совой. А там, глядишь, и на работу устроюсь».

— Следующая остановка Эдинбург. Миссис Снейп, приготовьтесь на выход, — пророкотал низкий голос кондуктора.

Сердце заколотилось от волнения. Маргарита бросилась в проход подбирать разбросанные вещи. Метла уже умудрилась запутаться прутьями во всклокоченной пегой бороде облезлого, неопределённого возраста волшебника, спавшего почему-то прямо на полу.

Автобус дёрнулся и резко остановился. Маргарита не удержала равновесия и, не выпуская из рук метловища, повалилась на спину, увлекая за собой спутанный клок волос, застрявший в прутьях злосчастной метлы. Волшебник взвыл и, держась рукой за подбородок, вскочил на ноги, плюясь и выкрикивая ругательства, которые не позволял себе даже Нерон Снейп.

Испуганно озираясь и бормоча извинения, Маргарита бросилась к выходу. Кондуктор, хмурясь и досадуя на её нерасторопность, помог спуститься на землю и бросил вдогонку позабытый неловкой пассажиркой мешок с вещами.

Секунда — и щёку Маргариты обдало воздушной волной. «Ночной Рыцарь» исчез в пустоте ночи.

Дом сестры она искала несколько часов. Катриона в письме дала подробные инструкции, но Маргарита была слишком выбита из колеи, и, вдобавок, заплутала на тёмных улицах незнакомого города.

Наконец, она отыскала его. Трёхэтажный кирпичный дом. Кажется, это — нужный подъезд? Катриона писала, что должна быть какая-то штука, домофон...

Её ждали. Сестра — высокая стройная женщина со строгой причёской, одетая в синее домашнее платье. Её муж, представившийся как Герберт Страут, — худощавый, даже какой-то высохший мужчина лет на десять, а то и больше, старше Катрионы. Мышиного цвета редкие волосы аккуратно уложены, сам в строгом магловском костюме черного цвета, черном же галстуке и белой в тонкую полоску рубашке. На лице радушие, вот только взгляд какой-то острый, сухой и колючий.

«Ой! — Маргарита расплылась в улыбке. — Племянники! И когда только сестрёнка всё успела! Вот ведь молодец! И работа и дети... А какие хорошенькие!» Женщина протянула руку, чтобы погладить худенькую востроглазую девчушку, выглядывающую из-за спины отца, но та резко отстранилась. Пухлый мальчуган лет двух смотрел на неё с любопытством. Маргарита опустила перед ним на корточки.

— И как же тебя зовут, моя радость?

— Пите.

— Питер? Какое хорошее имя!
Сестра несильно, но настойчиво потянула её за плечо.
— Пойдём, Маргарита. Покажу твою комнату.

* * *

Маргарита старалась быть полезной. Помогала по хозяйству, готовила, гуляла с племянниками. Девочка, её звали Камилла, по-прежнему чуралась тётки, но с малышом Питом они быстро нашли общий язык. Родственники приняли Маргариту, но как-то через силу. Она уже жалела, что влезла в чужую жизнь. Опять, уже не в первый раз, Маргарита старалась быть незаметной. А как непросто оказалось попросить у сестры эти жалкие одиннадцать сиклей, что задолжала кондуктору. Как явственно почувствовала Маргарита в ту минуту, что ни разу в жизни не держала в руках собственных денег.

Надо начинать новую жизнь, чтобы ни от кого больше не зависеть. Найти работу, жильё. Слезть, наконец, с чужой шеи.

И ещё одна мысль не давала покоя — муж. Никогда Нерон не простит побега. Отомстит, обязательно отомстит. Может, зря она всё затеяла? Пятнадцать лет терпела и дальше бы смогла...

А сын? Перебравшись к сестре, Маргарита первым делом написала ему письмо. Объяснила, что давно хотела уйти. Успокоила, что всё в порядке.

Северус понял её и поддержал.

Вот только... Что будет с каникулами? Позволит ли Нерон Северусу пожить на каникулах с матерью? Глупый вопрос. Конечно же, нет! Дура, дура, что она наделала! Что же делать? Вернуться и попросить у мужа прощения? Нет, он её убьёт. А может...

Маргарита испугалась собственной смелости. Забрать сына из школы. Самой. Раньше Нерона.

Вот только как? Обдумывание деталей плана не мешало Маргарите, вставшей, как обычно, на час раньше других, готовить завтрак семейству Страут, к тому же отвлекало женщину от ощущения паники, которое вызывала в ней собственная дерзость.

Не хватало только столкнуться с мужем на вокзале.

Вывод был прост и очевиден, как ломоть белого хлеба, по которому Маргарита задумчиво размазывала ножом тающее масло.

Она встретит сына раньше. Она заберёт его прямо из Хогвартса. Напишет письмо директору, он добрый человек, поймёт.

* * *

Кресло просвистело над головой и со страшным грохотом впечаталось в шкаф. Раздался громкий треск ломающегося дерева и звон разбитого стекла.

Хьюго сжался в уголке, прижимая к голове огромные дрожащие уши. Никогда старый эльф не видел хозяина в таком гневе. Да, и шутка ли? Эта подлая грязнокровка, которую хозяин, можно сказать, с помойки подобрал, мало того, что сама сбежала, но и похитила молодого мастера Северуса.

Эльф еле успел отскочить. Книжная полка, висевшая у него над головой, рухнула, когда в неё попал зелёный луч, вылетевший из палочки хозяина. Книги разлетелись по полу, и над этой свалкой клубилось плотное облако пыли, которую в своё время не удосужился вытереть Хьюго.

Чтобы хозяин крушил своё имущество? Он, который и старой тряпки не выкинет?

Уродливая глиняная ваза, стоявшая на полу, взорвалась тысячью осколков, а когда густая коричневая пыль наконец осела, на полу лежала лишь кучка черепков.

Эльф резко метнулся вбок, чтобы избежать столкновения с летящим в него пресс-папье, но совсем убежать не стал. Знал, только хуже будет. Вот выпустит хозяин пар, тут-то ему верный Хьюго и понадобится.

Наконец, старый Нерон обессилел. Закрыв глаза ладонями и со стоном опустился на пол. Целой мебели в кабинете уже не было.

Хьюго тут же возник перед ним со стаканом в одной и бутылкой огневиски в другой руке. Снейп с рычаньем запустил стаканом в камин, выдернул у эльфа бутылку и жадно, давась и обливаясь, припал к горлышку.

Он отомстит этой суке! Вернёт сына. А эта нищенка... Она умрёт! Да, она умрёт! Нерон Снейп никому не позволит играть с собой! Тем более, жалкой грязнокровке!

* * *

Обнаружив побег жены, Нерон пришёл в ярость. Но, поразмыслив, решил, что без неё в доме будет даже лучше.

«Тупая деревенская баба так за всю жизнь ничему и не научилась. И сына она только портит своим дурацким сюсюканьем, кудахтает над ним, как курица над яйцом. Парень так никогда не станет сильным. Моя мать не признавала никаких дурацких нежностей, не то что эта блёклая кукла...»

Решив, что отсутствие жены его устраивает, Нерон не предусмотрел, насколько сильно Маргарита привязана к сыну. Если бы не эта страсть, никогда бы эта трусливая баба не посмела пойти против него.

Напрасно прождав сына на перроне, Нерон почувал неладное. Расспросив одноклассников Северуса, узнал, что тот в поезд не садился: лесничий проводил его до Хогсмита, где младшего Снейпа должен был ждать кто-то из близких.

Кто именно это был, Нерону выяснять не требовалось. Он сразу понял, что речь идёт о его жене. «Бывшей жене», — скрипнул зубами он.

Но прежде всего ему не терпелось добраться до директора. Ясно ведь, что без его помощи тут не обошлось. Всех детей сажают в поезд, почему-то для Северуса сделали же исключение? Без санкции директора такое невозможно.

Дамблдор ему никогда не нравился. Старый, хитрый ублюдок, наводнивший Хогвартс грязнокровками. Тьфу!

Если бы в школу была возможна аппарация, Снейп оказался бы там немедленно и показал старому маразматике пару запрещенных проклятий. А так пришлось довольствоваться лишь гневным письмом, отправленным сразу же по возвращении.

Только после этого Нерон дал выход бушевавшей в нём ярости. Разбив свой кабинет в щепки, опустошённый, он сидел на полу. Голова словно сжималась в тисках. Хьюго, пугливо оглядываясь на хозяина, пытался восстановить хоть что-то из снейповского имущества.

Нерон, до этого в приступе безумия швырявший в эльфа чем попало, теперь совершенно не замечал его, уставившись невидящими глазами куда-то перед собой и шевеля белыми губами. Пустая бутылка валялась у ног.

Эльф прислушался.

«...сына. Украла моего сына...»

Глава 4. Счастье Маргариты.

О верю, верю, счастье есть!
Ещё и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благодную весть.
О верю, верю, счастье есть!

С. Есенин

Пусть она будет наказана, пусть! Но она, видит Мерлин, заслужила это счастье: идти по улице за руку со своим сыном, идти не куда-нибудь, а в свой собственный дом.

Да, теперь у неё есть дом. Маргарита улыбнулась и произнесла одними губами: «Мой дом».

Родители умерли и оставили свой деревенский дом ей, хотя у них было десять младших детей, а она за все эти годы не отправила им ни одного письма. Может, грыз всё-таки стариков червь сомнения, что не так уж правильно распорядились они судьбой старшей дочери...

Когда-то в нём было так тесно... Топот ног по скрипучей лестнице, грозные окрики Марии МакГрегор, орущие дети, насупленные брови отца, и тут же ласковое похлопывание по щеке: «Ступай, ступай, Мегги, помоги матери...»

Как же защемило в груди. Маргарита вцепилась рукой в серые рассохшиеся деревянные перила. «Здравствуй, дом моего детства. Теперь я тебя уже не покину. Здесь родилась, здесь и хочу умереть».

Маргарита не хотела задумываться о будущем, но в то же время постоянно о нём думала.

Да, надо на что-то жить, но она нашла работу детской няни. Жильё, слава Богу, есть.

Родителей не стало два года назад. Они умерли один за другим, с разницей в несколько месяцев. Должно быть, нотариус пытался разыскать Маргариту, но безуспешно. И дом два года простоял пустым.

Удивительно, как много может значить для человека дом. Свой дом. Свой собственный дом. Маргарита смаковала на языке это слово. «Дом». Простое, надёжное слово, короткое, уверенное. Круглое. Нет, скорее, квадратное, как на детском рисунке. Из трубы идёт дымок, а на крылечке спит лохматая добрая собака... Побольше бы в мире таких слов.

И ничего, что её дом старый. Пусть он деревянный, покосившийся, ветхий, со скрипучими половицами и рассохшейся негодной мебелью. Рухлядь, настоящая рухлядь! Но как же Маргарита любила эту милую развалину...

Невероятно, но, кажется, жизнь действительно поменялась в лучшую сторону. Настолько всё хорошо, что даже не верится, что это надолго. Судьба будто дразнит: «Посмотри, Маргарита, как это бывает. Посмотри и запомни, чтобы было потом с чем сравнивать и о чём жалеть».

* * *

Прошёл месяц — наверное, самый счастливый месяц в жизни Маргариты. Солнце ласкало землю, как мать — любимое дитя. Деревня, где они жили, утопала в зелени. Маглы не обращали на них внимания: мать и сын ничем внешне не отличались от окружающих людей. Старые МакГрегоры всю жизнь тщательно скрывали от маглов свои способности, поэтому соседям, знавшим Маргариту ещё девчонкой, и в голову не могло прийти, что она и её сын — колдуны. Рассудительная Катриона отвела сестру в магловский супермаркет, где купила ей всё необходимое. А у Северуса уже была магловская одежда, Нерон приобрёл её сыну перед поступлением в Хогвартс.

Маргарита по несколько часов в день нянчилась с магловскими детишками. Сын ждал её дома, сидя за книжками и школьными учебниками. Переделывал все домашние дела. Сперва получалось коряво, но Северус привык во всём добиваться точности, и нехитрое искусство домоводства вскоре вынуждено было ему покориться.

Когда мать возвращалась с работы, они вместе ходили за покупками, заглядывая по очереди во все деревенские лавки. А потом вдвоём гуляли по окрестным полям или ходили пешком до самого моря, которое было в нескольких милях от их деревни. Маргарита садилась на облюбованный ею плоский камень, а Северус бежал в воду. Он, прежде никогда не видевший океана, страстно желал научиться плавать.

* * *

Волны лениво с лёгким плеском накатывались на берег и возвращались в океан с неумолимой периодичностью тиканья часов и непринуждённостью взмахов веера. Морская галька, мокрая и блестящая, казалась счастливой Маргарите прекрасней всех драгоценностей мира.

Пальцы машинально вертели волшебную палочку, но женщина была спокойна за сына: вон как у него хорошо получается. Далеко не заплывает. «Северус, вообще, очень осторожный. И хорошо — не дай Бог, с ним что-то случится». Суеверная Маргарита оглянулась в поисках дерева, ища по чему бы постучать. Нашла кусочек сосновой коры, прибитый морем. «Тук, тук, тук». Хорошо, что сын не видит. Он, конечно, промолчал бы. Но мама-то знает, как Северус относится к подобной чуши. «В этом он так похож на своего отца. Слишком высоко ставит разум». Маргарита вздохнула. Нет, ну как она может сравнивать? Слава Мерлину, Северус только внешне напоминает Нерона. Перенял от манеры держаться, сарказм; ещё, пожалуй, сознание собственной исключительности. Но это с другими Севи себя так держит, не с мамой. С ней он заботливый, ласковый и нежный. Самый лучший в мире сын.

«Он очень добрый, чувствительный и ранимый мальчик. И Севи так меня любит. Заметно, что переживает — наверное, из-за отца, но всячески это скрывает: меня не хочет волновать».

Северус зачерпнул в ладонь перламутрово-прозрачную медузу. *Aurelia aurita* — он читал о ней. Не стал дожидаться, когда обожжёт, размахнулся и бросил холодный комочек слизи назад, в море. Обернулся, посмотрел на берег.

Мать. Он навсегда запомнит её такой. Длинная соломенного цвета коса перекинута через плечо. Тонкие черты наполнены неземным светом, как на фресках лики святых. Кончики светлых ресниц ласкает солнечный лучик. В уголках губ притаилась, готовая озарить сиянием, задумчивая добрая улыбка.

«Северус! Ты уже долго. Нам пора».

* * *

На поиски убежища, где сбежавшая жена прятала сына, Нерону Снейпу понадобилось около месяца.

Сперва его поставило в тупик раскрытое окно. Нерон сделал вывод, что подлая баба улетела на метле. Но Хьюго, нет, не зря всё-таки он держит этого ленивого мерзавца, предположил, что метла послужила только для того, чтоб покинуть замок, а дальше беглянка могла воспользоваться «Ночным Рыцарем».

«А ведь правда, — подумал Нерон, окончив орать на эльфа, дерзнувшего лезть с советами. — Куда б эта дура не направлялась, самой дорогу ей не найти. Она ж безвылазно сидела все эти годы в замке и ни хрена не должна ориентироваться».

Водитель автобуса, к которому Нерон Снейп обратился в поисках информации, отмахнулся, сказав, что в его обязанности входит следить за дорогой, а не за пассажирами.

Кондуктор уверенно отрицал, утверждая, что никакой миссис Снейп и, вообще, женщины подходящей под описание, не помнит. Только уж больно уверенно отрицал. А доверчивостью старый Снейп никогда не страдал. Поэтому Нерон наведалься расспросить кондуктора во второй раз, и тут ему неожиданно повезло. Кондуктор, звали этого болвана Ларри Стич, по-прежнему запирался, но какой-то незнакомый колдун, по виду вор и мошенник, внимательно прислушивался к их разговору. Нерон это заметил и ждал, что будет дальше. Кондуктор нетерпеливо дал понять Снейпу, что автобус должен ехать, и закрыл перед ним дверь. Но тут дверь отворилась снова, и давешний колдун с драной всклокоченной бородой спрыгнул на землю. «Ночной рыцарь» рванул с места со скоростью ветра и через секунду уже исчез.

Незнакомец криво ухмыльнулся и представился:

— Элиша Грант.

Снейп не стал пожимать протянутую ему грязную руку, лишь холодно кивнул:

— Я слушаю.

Колдун ослабилась и спрятал руку в карман.

— Могу продать кое-какую информацию.

— С чего ты взял, что я намерен что-то покупать?

Бородатый рассмеялся:

— Ну, допустим, я ехал вместе с той бабой, которую вы разыскиваете. И знаю, где она вышла.

— И ты надеешься, я буду платить за твоё враньё? — старик лениво зевнул.

Колдун опять рассмеялся, в его глазах появилось уважение.

— Могу добавить кое-какие подробности. О каких вы не говорили с Ларри.

— Ну и?

— Баба была с мешком, вроде старой наволочки, и ещё с метлой. Из-за метлы-то я её и запомнил.

— Это всё? — Нерон собрался развернуться.

— Погодите, — бородатый дёрнул его за рукав, отчего Снейп брезгливо поморщился.

— На ней была мантия...

Нерон усмехнулся: где вы видели ведьму не в мантии? Жуликоватый собеседник торопливо добавил:

— Светлая. Да, точно, на ней была светлая мантия.

Увидев, что этого старику недостаточно, он принялся судорожно вспоминать:

— У неё ещё денег с собой не оказалось. Вот чудачка! А этот придурок Ларри согласился провезти её в долг.

Снейп поднял бровь. «Вот даже как? Надо будет с этим сопляком непременно разобраться. Похоже, сморчок говорит правду. Я действительно забрал у этой дуры оставшиеся после Лондона деньги... А её меднолобые помощнички, видать, не догадались выслать».

— Ну и где же она, по-твоему, вышла? — небрежно спросил Нерон.

— Протяните галлеон нуждающемуся собрату по волшебству, и всё узнаете.

Снейп поморщился. Расставаться с деньгами в его планы не входило, но и шанс упускать нельзя: наконец-то он напал на след мерзавки.

— Десять сиклей. Большего ни она, ни ты не стОите.

Бородатый рассмеялся неприятным дробным смехом и жадно протянул руку за горстью серебряных монет, отсчитанных стариком.

— Эдинбург. В Эдинбурге она вышла.

— Она ничего не говорила? К кому пойдёт? Улицу, фамилии не называла?

— Нет, — Элиша, торопливо пересчитав, спрятал монеты в кармане грязных штанов. — Точно помню, ничего не говорила. Обещала только деньги вернуть Ларри, и всё.

Бородатый бросил на Снейпа вороватый взгляд и, поняв, что вопросов больше не будет, неровной раскачивающейся походкой направился прочь.

* * *

Значит, Эдинбург? Наверняка, прячется у кого-нибудь из родни. Эти МакГрегоры плодятся, как крысы.

Вот только как их разыскать? Информация о всех магах Великобритании должна иметься в Министерстве. Скрепя сердце, но придётся, видно, опять раскошелиться.

Чиновницу, с которой познакомился Нерон, звали Лейла Истернвуд. Лет тридцати пяти, светловолосая с рыжиной, с хитрым прищуром маленьких глазок, в которых навсегда застыл жадный блеск.

Дружба с ней обошлась старому скряге дороже, чем Элиша Грант. Десять галлеонов переключивали из карманов старика в элегантный кошелек миссис Истернвуд, сшитый искусным мастером из кожи гиппогрифа.

Зато теперь перед Нероном на восстановленном из обломков столе лежал список всех магов, проживающих в Эдинбурге. Что самое смешное, среди них не нашлось ни одного МакГрегора. А всего в списке было около трёхсот адресов. Не обходить же все! Снейп задумался. «У жены была целая толпа сестёр. Сейчас они, верно, замужем, и у них другие фамилии. Надо копать в эту сторону. Наверняка, в Министерстве хранится более подробная информация».

Лейла и не скрывала своей радости при виде старика. Разумеется, она ему поможет. Но найти волшебницу по девичьей фамилии... Это будет весьма сложно. Женщина кинула на Нерона алчный взгляд и елеиным голосом, так не вязавшимся с выражением её лица, выразила надежду, что мистер Снейп поможет окупить неизбежные расходы. Нерон нахмурился. Чиновница приняла неприступный ледяной вид. Снейп сдался. С видом мученика он вынул из кармана кошелек и принялся дрожащими пальцами отсчитывать галлеоны, мысленно прощаясь с каждым золотым кружочком, как с любимым братом.

Лицо миссис Истернвуд разгладилось, она снова весело защебетала, обещая к завтрашнему дню всё устроить.

Глава 4. Счастье Маргариты.

На деле, информацию она предоставила только через две недели. Нерон бесился, но ничего не мог поделать. Он с радостью придушил бы меркантильную рыжую куклу, но это не вернуло бы его денег и не помогло бы разыскать сына.

От директора Хогвартса пришёл вежливый ответ, что с мальчиком всё в порядке, и он находится у своей матери. Других подробностей в письме не было.

У Снейпа уже вошло в привычку выпивать в день по бутылке огневиски. Сидя перед камином в скрипучем старом кресле-качалке, он пил, ругался и время от времени сплёвывал в огонь, который сердито шипел в ответ. Нерон проклинал Дамблдора, помогшего этой дряни забрать у него сына, Северуса, ведь наверняка мальчишка пошёл с матерью добровольно, Маргариту, которую он подобрал из грязи, и которая отплатила ему чёрной неблагодарностью, её поганых родственничков, кондуктора Ларри Стича, жадную ведьму Лейлу Истернвуд...

Наконец, с совой пришёл ответ от рыжей взяточницы. «В Эдинбурге по адресу 17 Randolph Crescent, Edinburgh, EH3 7TT, проживает Катриона Страут, урождённая МакГрегор, двадцати восьми лет, замужем, двое детей».

Вот оно! Руки затряслись от возбуждения, долгожданный листочек выпал из дрожащих пальцев. «Наконец-то! Теперь решить, как обставить визит. Если вломиться со скандалом, в шею вытолкают или, чего доброго, вызовут авроров. Но и предупреждать заранее не нужно, Маргарита испугается и спрячет сына. Нет, это должно напоминать визит вежливости. Без шума, без криков. Доберусь до Эдинбурга автобусом. Заодно верну должок».

* * *

Поздним летним вечером возле одного из эдинбургских пабов резко затормозил взявшийся из ниоткуда автобус. Из него неторопливо вышел крепкий пожилой мужчина неприятной наружности. Ступив на землю, незнакомец стремительно обернулся и послал из кончика полированной деревянной палочки тусклый белый луч в смутно угадывающуюся в недрах автобуса тень. Никто внутри, по-видимому, не заметил его странного маневра, потому что двери захлопнулись, как ни в чём не бывало, и чудной автобус исчез. Впрочем, никто из множества находящихся возле паба людей его и не увидел. Заметили лишь странного старика, но тот, развернувшись к зевакам, второй раз махнул своей палочкой, выкрикнув непонятное слово: «Обливиэйт», и... Странное происшествие моментально изгладилось из памяти. Тротуар перед входом в паб, по-прежнему, освещала яркая неоновая вывеска, изнутри раздавались голоса и звуки работающего телевизора. У входа стояла компания мужчин, они курили и недоумённо морщили лбы, пытаясь вспомнить, о чём только что разговаривали.

Прочь, в сторону нового супермаркета, быстрым шагом удалялся старик в длинном плаще.

Глава 5. Отец.

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томили предчувствия, грызла потеря...
Но целое море печали не смоеет
Из памяти этого первого зверя.

Н. Гумилёв

— ...Сейчас, мама, иду! — худой подросток лет двенадцати с ниспадающими на плечи сосульками мокрых волос скрылся в воде.

Ну хочется же напоследок ещё раз нырнуть. Достав рукою дна, он поднял красивый плоский камешек почти идеально круглой формы. Такой, если его умело кинуть, будет здорово отскакивать от воды.

С шумом и плеском на поверхности вновь показалась голова мальчика. Он отфыркивался и нарочно бил руками по воде, создавая целые фонтаны хрустальных брызг.

— Северус... — терпеливо повторила ждущая на берегу женщина.

Ветер гладил покрытый тонкими морщинками лоб, она смотрела на сына и улыбалась.

Мальчик ещё раз окатил себя водой и побрёл по мелководью к берегу. Плотная тяжесть воды замедляла его движения, словно не желая отпускать от себя и зовя поиграть ещё.

Женщина направила на сына палочку и негромко произнесла заклинание. Поток горячего воздуха согрел мальчика. Кожа из «гусиной» приобрела почти нормальную окраску, разве что, излишне бледную. Похоже, ленивое шотландское солнце всячески пренебрегало своими обязанностями, иначе как объяснить то, что мальчик нисколько не загорел.

Женщина поднялась и принялась оправлять смятую длинную юбку. Мальчик ещё раз обернулся к морю и хотел уж было запулынуть свой камушек, но почему-то передумал и крепко сжал его в кулаке.

* * *

Молодая женщина с уверенными строгими чертами лица загородила вход в квартиру, не давая мужчине никакого шанса пройти внутрь без применения насилия. Впрочем, этого она, судя по её виду, тоже не боялась. Тонкие брови опасно нахмурились, а рука, скрытая в кармане синего домашнего платья, твёрдо сжимала волшебную палочку. Десять дюймов, яшень и сердце дракона.

— Я вам уже сказала: идите прочь. И оставьте мою сестру в покое!

— Миссис Страут... — Нерон Снейп постарался придать голосу примирительные интонации, но получилось что-то вроде змеиного шипения.

— Нет уж, довольно! Вы и так Маргарите много крови испортили! Если вы от неё не отвяжетесь, я лично обещаю вам крупные неприятности!

В глазах старика появился недобрый блеск. «Самоуверенная курица! Жалкая девка! Знала бы, чем тебе это может грозить!»

Катриона, не мало не смутившись, с грохотом захлопнула дверь у старика перед носом.

Длинная затейливая вязь самых грязных ругательств была ей ответом.

* * *

— ...Мистер Страут! Будьте добры, на минуточку! — прочирикала пухленькая блондинка в оливковой, вызывающе короткой мантии, из-под которой темнели превосходным бронзовым загаром столь же превосходные стройные ножки.

— Что там, Матильда? Я занят, — сухо буркнул из-за двери резкий мужской голос.

Секретарша, привычная к манерам своего шефа, просунула голову в дверь и кокетливо улыбнулась. Герберт Страут насупил брови и сердито посмотрел на неё. По дороге его взгляд зацепился за скомканные на кожаном чёрном кресле колготки в сеточку.

— Мисс Граммонт, будьте добры, уберите отсюда эту дрянь, — он брезгливо указал пальцем на колготки.

Блондиночка порозовела, что очень ей шло, и торопливо спрятала деталь туалета в маленькую дамскую сумочку.

— С вами хочет поговорить мистер Снейп, — пролепетала она.

В выражении лица мужчины ничего не изменилось.

— Снейп? — безразлично переспросил он. — Ну что ж, зови.

Он быстро протянул руку и ущипнул блондинку за пухлые прелести чуть пониже спины. Та весело взвизгнула, но лицо мистера Страута по-прежнему не выражало ничего, кроме скуки.

* * *

Нерону хватило одного взгляда, чтобы оценить собеседника. Деловой человек. Без сомнения, умный. Серьёзный. Денег, как Лейла, кланчить не будет, скорее, потребует ответную услугу. Интересно, какую?

Никаких сантиментов, никаких околичностей. Да, он знает, где сейчас находятся Маргарита и Северус Снейп. Да, он признаёт право отца и мужа на информацию. Но какой смысл ему, Герберту Страуту, ею делиться?

Нерон Снейп достал из кармана кошелек, заранее зная, что он не понадобится. Мистер Страут усмехнулся:

— Уберите.

Снейп немедленно выполнил требование собеседника и с готовностью посмотрел тому в глаза. Видимо, увидев в них то, что хотел, Страут кивнул:

— Ваши жена и сын живут сейчас в бывшем доме её родителей. Адрес...

— Не надо! Адрес я знаю.

«Почему я сам раньше не догадался? — досадовал про себя Снейп, жалея о потраченных галлеонах и о необходимости ответной услуги этому скользкому типу. — Так просто! Дом её родителей. Об этом надо было подумать в первую очередь...»

Старик, вышедший от мистера Страута, имел такой понурый вид, что, несмотря на его отталкивающую внешность, Матильда невольно ему посочувствовала. «Наверное, у бедняги серьёзная горе. Жалко: вон, как убивается». Блондинка проводила посетителя долгим взглядом и потянулась за пером. Надо подготовить для шефа кучу писем. Она опять ничего не успевает.

* * *

Странным что-то показалось Маргарите сегодняшнее возвращение. Вроде, всё в порядке. И калитка закрыта так же, как закрывает её только она. И с входной дверью всё как надо. Отчего ж на душе кошки скребут? Раньше, помнится, она не была нервной...

Вот и Северус, кажется, почувствовал недоброе. Ищет в кармане палочку. А в левой руке, вот мальчишка, зажал какой-то камешек... Нескоро он ещё повзрослеет...

Маргарита вытащила из кармана большой неуклюжий ключ и два раза повернула в замке. Магией она пользовалась только внутри дома. Не дай Мерлин, кто-то увидит.

Дверь медленно с долгим протяжным скрипом отворилась. «Надо будет смазать петли», — мелькнула мысль. Маргарита осторожно заглянула в прихожую: никого. Слава Мерлину! Как гора с плеч. А она-то как перепугалась, хотя, вроде, и не с чего было.

Женщина вошла, сняла с плеч вязаную шаль, аккуратно сложила её на потёртый бабушкин комод и обернулась на сына: чего он там медлит в дверях, не заходит? Взглянула и остолбенела. Северус стоял бледный, как покойник, направив перед собой волшебную палочку. Маргарита проследила за его напряжённым взглядом и вскрикнула: напротив, вальяжно прислонившись к стене и сложив на груди руки, стоял и улыбался её собственный муж.

* * *

Маргарита машинально отступила назад и бессильно прислонилась к комоду. Она и не думала бежать, но Нерон резко взмахнул палочкой и запечатал заклинанием дверь.

— Здравствуй, милая, — старик хрипло рассмеялся.

Маргарита вздрогнула: ни разу за пятнадцать лет он не назвал её милой, и теперь это слово резануло больнее самого грязного ругательства.

— Экспеллиармус! — Северуса с силой швырнуло об дверь, а его палочка оказалась в руках отца.

— Севи! — Маргарита бросилась к сыну.

Он лежал без движения. По волосам из разбитого виска стекала кровь, образуя на деревянном полу тёмную лужицу.

— Петрификус Тоталус!

Маргарита, как была, в полёте, окаменела и тяжело лицом вниз рухнула на пол. Во рту резко хрустнуло, в глазах потемнело от острой боли. Из развороченной десны засочилась тёплая солоноватая кровь, но Маргарита не могла её выплюнуть.

— А вот теперь мы сможем спокойно поговорить, — старик явно получал удовольствие.

Заметив, что Маргарита его не слышит, а совершенно безумным взглядом смотрит на красную струйку, капающую с чёрной слипшейся пряди, он усмехнулся:

— Боишься за щенка.

Он медленно прицелился, словно раздумывая:

— Панацеум. Энервейт.

Рана на виске Северуса затянулась, он вздрогнул и приоткрыл глаза. У Маргариты вырвался вздох облегчения. Нерона это развеселило:

— А ты, дурочка, наверное, подумала, что я месяц по всей стране разыскиваю своего сына, чтобы убить? — кривая гримаса, исказившая его и без того некрасивое лицо, видимо, означала насмешливую улыбку.

— Его я забираю с собой, — он опять наставил палочку на зашевелившегося было Северуса. — А ты меня совершенно не интересуешь. Меня даже радует перспектива не тратиться на твоё содержание.

Он перевёл палочку на жену, и она в ужасе зажмурила глаза, ожидая наказания. Нерон медлил, изучая её взглядом, потом внезапно указал на сына и с наслаждением прошипел:

— Круцио!

— Нет!!! — крик Маргариты переполошил бы полдеревни, но старик, моментально среагировав, лишил её голоса заклинанием немоты.

Он наставил палочку на Северуса, приготовившись лишить голоса и его, если будет слишком сильно орать, но не торопился произнести слова заклятия. Ему хотелось увидеть, как будет мучиться Маргарита, слушая стоны и вопли сына.

Северус это понял и поклялся лишить отца такого удовольствия. Его тело пронзали тысячи клинков, кости дробили безжалостные молотки, плоть раздирали клещами, кожу жгли на костре, в мозг впивались раскалённые иглы... Северус все силы вложил в то, чтобы не закричать. Он извивался, корчась от невыносимой боли, пока не потерял сознание.

Нерон не собирался заходить так далеко, но упрямство сына его разозлило и только, когда тот жалкой кучкой тряпья обмяк на полу, он, наконец, отвёл палочку в сторону.

Нерон притянул к себе мокрое от слёз лицо Маргариты и заглянул ей в глаза. Казалось, он не просто смакует ужас и страдание, написанные в них, а ещё и пытается навсегда запечатлеть эту картину в своей памяти.

Для Маргариты прошла целая вечность. Наконец, старик с силой оттолкнул её и брезгливо вытер руки об одежду. Северус по-прежнему был без сознания. Лицо цвета мела было перепачкано кровью, кровь запеклась в волосах, кровь струилась из носа, из прокушенной губы, тяжёлыми каплями сочилась из-под ногтей.

Нерон задумчиво посмотрел на сына.

— Фините инконтатем, — он махнул палочкой в сторону жены.

Маргарита снова почувствовала своё тело.

— Приведи его в порядок, — Нерон носком ботинка указал на распластанного на полу Северуса.

Женщина кинулась к мальчику. Дрожащей рукой достала из кармана палочку. Пальцы не слушались.

— Энервейт! — не помогло.

— Энервейт! — снова попытка.

Как же трясётся палочка в дрожащих пальцах, как прерывается голос... Она всегда была слабой колдуньей. Маргарита в отчаянии посмотрела на мужа — тот улыбался. Конечно, он ей не поможет, лучше будет глазеть, как родной сын истекает кровью. Маргарита ненавидела себя за бессилие и беспомощность. Неужели она ничего не может сделать?! Не замечая, что у неё самой из разбитого рта льётся кровь, Маргарита крепко сжала палочку и приказала себе успокоиться.

— Энервейт!

Веки мальчика дрогнули, он слабо шевельнулся и застонал.

— Родненький мой! — Маргарита прижала сына к себе.

Кровь всё ещё продолжала течь. Что там говорил старый мерзавец? Кажется...

— Панацеум!

Удивительно, получилось с первого раза. Кровь остановилась, даже стянулась глубокая рана на губе. Похоже, Северус прокусил её, пытаясь сдержать крик. Зачем? Лучше б кричал. Когда кричишь, легче терпеть, уж она-то знает. Но Северус гордый... Такой же гордый, как его отец... Ой, как же нелегко ему будет в жизни...

Маргарита наколдовала мокрое полотенце и начала бережно убирать с лица сына следы крови.

Северус попытался приподняться. Боль ещё не вся покинула его тело, но осторожные прикосновения влажной ткани приносили облегчение. Перед глазами висела мутная пелена, за которой угадывалось материнское лицо. «Жалкий, ничтожный мальчишка, слабак, не смог её защитить... Если б я не пялился как кретин и не ждал, пока этот гад меня обезоружит! Меня хватило только на то, чтобы корчиться, как червяк, у ног этого... НЕНАВИЖУ!!!» Северус привстал, и всё тело опять пронзила судорога боли. Мать обхватила его руками, не давая упасть.

— Ну вот... — пробормотала она, последний раз проводя полотенцем по лицу.

Взмах палочкой:

— Фоамус.

Волосы мальчика приняли вполне цивилизованный вид.

— Спасибо, милая, — более противной улыбки Маргарита ещё не видела. — Больше в твоих услугах мы не нуждаемся.

— Имперо, — быстрый выпад палочкой в сторону Северуса и мерзкое сладкое шипение. — А теперь, сынок, пойдём с папочкой домой.

Мальчик дёрнулся, пытаясь бороться с заклятием, но взгляд его быстро опустел и он послушно пошёл к двери.

— А ты... — начавший было говорить Нерон обернулся к Маргарите и увидел направленную на него палочку.

Брови старика поползли вверх. Он рассмеялся. Протянул руку и, все ещё продолжая смеяться, вынул палочку из трясущихся пальцев жены и легко переломил её.

— А ты всё такая же дура... — он смерил её презрительным взглядом. — Так вот, Маргарита, — Нерон усмехнулся. — Если вдруг ты захочешь кому-нибудь рассказать о том, что здесь было, прежде хорошо подумай. И вспомни, что твой сын — у меня.

Женщина покорно опустила голову.

Со стуком захлопнулась дверь, и Маргарита осталась одна. Ещё не осознав тяжести происшедшего, она, двигаясь как сомнамбула, прошла на кухню, опустилась на грубый трёхногий табурет и закрыла лицо руками. Пальцы скользнули по чему-то липкому и мокрому. Надо умыться. И посмотреть, что там с зубами... Ах да, палочка же сломана...

Глава 6. Снова побег.

...Я понимаю этот ужас
И постигаю эту связь:
И небо падает, не рушась,
И море плещет, не пенясь.
О. Мандельштам

Тобитые молью и временем шторы цвета спелого баклажана, несмотря на раннее время, были наглухо задёрнуты. Северус лежал на кровати в тёмной спальне, не сняв ботинок и даже не потрудившись сдёрнуть покрывало. Палочкой, направленной в потолок, он наугад сбивал надоедливо жужжащих мух. Откуда летом их столько берётся? Жарко. А когда закрываешь глаза, то от этого назойливого жужжания кажется, что мухи ползают по коже, и она начинает зудеть. Бррр... Сразу тянет почесаться... Пальцы коснулись лежащей на шее тонкой серебряной цепочки, быстро спустились по ней и вцепились в круглый плоский камешек, чёрный с необычным синим отливом. Странно, но в тот день, месяц назад, камень так и остался зажатым в кулаке. Северус не выпустил его, даже когда отец применил «круцио»... Теперь он егоне снимет, камень напоминает о маме, о счастливых днях... Никто его не увидит. Северус заправил цепочку с камнем под рубашку и тщательно, под горло застегнул все пуговицы.

От размышлений отвлёт громкий стук в стекло. Огромная серая сова сумела-таки распахнуть неплотно прикрытое окно и, шумно хлопая крыльями, влетела в комнату.

Что там, интересно? Кто мог ему писать? Не одноклассники, это точно. Может, список учебников на будущий год? Да вроде, ещё рано...

Сова недовольно ухнула и хотела было поторопить мальчика острым клювом, но у того оказалась неплохая реакция. Он быстро отдёрнул руку, сорвал с совиной лапы пергамент и, сгребя недовольную птицу в охапку, бесцеремонно вышвырнул за окно. Захлопнул раму и, не слушая протестов возмущённой совы, распечатал письмо.

— Люмос.

«Здравствуй, Северус. Мы так с тобой ни разу и не увиделись, мне всё казалось, что впереди ещё много времени, и потому не торопилась навестить тебя и маму. Я твоя родная тётя, младшая сестра твоей мамы. Можешь звать меня просто Катриона.

Северус, Маргарита просила ничего тебе не говорить, но мне кажется, ты просто обязан всё знать. Мама считает тебя малышом, но она не права: в двенадцать лет люди уже могут нести груз ответственности. А ты, Северус, должен стать опорой для матери.

Это очень серьёзно. Твоя мама больна. Я отвезла её в Лондон, в больницу святого Мунго, но врачи не могут определить болезнь, а Маргарите всё хуже и хуже.

Я послала сову твоему отцу, но уверена, что он никак не отреагирует и ничего тебе не расскажет.

Я понимаю, как нелегко тебе будет выбраться из дома, но боюсь, это твой единственный шанс ещё раз повидать мать. Целители говорят, что ей осталось не больше месяца. Мне очень жаль, Северус. Я сделаю всё, чтобы тебе хоть как-то помочь.

Перешли мне, пожалуйста, ответ с Туманом, это моя серая сова.

Твоя любящая тётя Катриона».

* * *

Через минуту Северус был уже у ворот замка.

— Алохомора!

Ну, да, стал бы папаша накладывать простое заклинание! Наверняка, что-нибудь хитрое.

Может, ворота можно сломать?

— Ступефай!

Ну, тогда, может, уменьшить?

— Редукцио!

— Мастер Северус... — этот вкрадчивый голос мог принадлежать только одному существу в мире — Хьюго.

— Ступефай! — такого эльфа от маленького хозяина не ожидал и не успел среагировать.

— Ты откроешь мне ворота, — Северус одной рукой цепко схватил эльфа за ухо, а другой направил ему в лоб волшебную палочку. — Ну! Открывай!

Но эльф уже пришёл в себя. Он резко дёрнулся, пытаясь высвободиться, но Северус держал его крепко. Раздался громкий хлопок, и Хьюго исчез, оставив в руке мальчика клок бурых жёстких волос, которыми в изобилии были покрыты уши эльфа.

Быстрее! Сейчас этот гад приведёт отца... Ну же! Столько заклинаний выучил за лето в отцовской библиотеке, а сейчас, когда они так нужны, в голову ничего не приходит...

— Алохомора!

Ведь пробовал уже. Не помогает!

Северус, высоко подпрыгнув, уцепился за край ворот, подтянулся и, вовремя увернувшись от красного луча, посланного отцом, скатился вниз. Самого банального, оказывается, Нерон Снейп и не предусмотрел.

Мальчишка резво вскочил на ноги и побежал. Ворота позади с шумом распахнулись.

— Импедимента!

Северус бросился в сторону, под защиту деревьев.

— Ступефай!

Красный луч срезал ветку над головой, Северус резко метнулся вправо и кубарем покатился в овраг.

— Хозяин, мне бежать за ним? — Хьюго в набедренной повязке из грязного кухонного полотенца вытянулся перед стариком по стойке «смирно».

— Нет, — Нерон был спокоен. — На этот раз он никуда от меня не денется. Я знаю, куда он собрался.

* * *

Северус затаился на дне оврага, выжидая, не будет ли за ним погони. Волшебная палочка, к счастью, при падении уцелела. Он держал её наготове, хотя сам понимал, что против отца и эльфа у него нет никаких шансов. Мальчишка вжался в землю, в надежде слиться с ней и сделаться незаметным. Сквозь стук бешено колотящегося сердца он отчаянно вслушивался в тишину леса. Но ни звука шагов, ни характерного при аппарировании хлопкА всё не было. Борясь с огромным желанием вскочить и побежать во все лопатки, он прождал для верности ещё, как ему показалось, полчаса, а на деле не дольше пяти минут, и только тогда рванул сквозь реденький лесок прочь от замка.

* * *

Элли Хантер, менеджер маленького филиала крупной фирмы, торгующей жевательной резинкой, возвращалась в Глазго, сидя за рулём новенькой бежевой «тойоты». Настроение у неё было отличное. Ещё бы ему таким не быть, ведь не прошло и недели со дня покупки, а это её первая машина! Ну и пусть непатриотично. Сюзанна МакДугал, та обязательно будет вякать, что, дескать, незачем было покупать японскую марку. Но Сюзи — круглая дура, и это известно всем.

Элли засунула за щёку очередную конфету, мысленно пообещав себе, что как только доберётся до дома, первым делом почистит зубы.

...Жаль, что некому покопаться в её подсознании, а то ведь запросто может оказаться, что она выбрала «тойоту» именно из-за того, чтобы позлить Сюзи. «Ну нет! — мисс Хантер капризно выпятила губку. — Такой предсказуемой быть тоже не годится! Да пусть эта дурочка МакДугал думает всё, что ей заблагорассудится, мне-то какое до этого дело?»

Женщина достала из шуршащего кулька ещё одну конфету и отправила вслед за первой, когда внимание её привлёк бредущий по обочине мальчик. Она сбавила скорость, чтобы рассмотреть его получше. Выглядел он крайне усталым, словно шёл уже не первый, не второй и даже не третий час. Вообще-то, мисс Хантер не собиралась никого подвозить. Но мальчик, во-первых, не мог представлять опасности, во-вторых, Элли стало его жаль, а, в-третьих, он разбудил её любопытство.

Бежевая «тойота» плавно съехала на обочину и аккуратно затормозила возле длинноволосого мальчишки в странной рубашке со множеством пуговиц и синих джинсах, которые абсолютно с ней не гармонировали. Через плечо был перекинут длинный чёрный плащ, а из кармана джинсов, как заметила внимательная Элли, торчала длинная тонкая деревянная палочка.

Мальчишка повёл себя странно — он отшатнулся от машины и прибавил шаг.

— Постой! Хочешь, я тебя подвезу? — не получив ответа, Элли проехала ещё несколько метров и, поравнявшись с мальчиком, распахнула перед ним дверцу. — Ну же, залазь! Хочешь конфету? — она протянула весь кулёк.

Мальчишка недоверчиво посмотрел на неё, нерешительно протянул руку к конфетам и с жадностью засунул в рот целую горсть. Вид при этом у него был крайне голодный.

— Садись. Куда тебя подвезти?

Мальчишка с опаской посмотрел на сиденье, по которому мисс Хантер, приглашая, хлопала рукой. Она начала терять терпение:

— Ты что, боишься, что я тебя съем?

— Я ничего не боюсь, — пробормотал тот и бросил свой плащ на кресло.

— Постой, сколько тебе лет? Тебе, наверное, лучше назад.

Мальчишка уставился на неё непонимающим взглядом. «О, Господи, откуда он только такой взялся?» — подумала женщина.

— Открывай заднюю дверь и садись.

Но тот явно не знал, как к ней подступиться. Элли посмотрела на него с изумлением, но вышла и дверь открыла. Закрывать пришлось тоже самой. Когда они уже трогались с места, к ней в голову закралось подозрение, что странный мальчик сбежал из сумасшедшего дома. У Элли по спине побежали мурашки, но она живо успокоила себя тем, что ребёнок, по-видимому, тихий и неопасный, а долг доброй самаритянки — вернуть его обратно в больницу, где бедняга получит необходимый уход и лечение.

— Как тебя зовут?

— Северус.

— Неправда. Такого имени нет.

Мисс Хантер увидела в зеркало заднего вида, как мальчишка равнодушно пожал плечами. Похоже, ему было без разницы, поверила она или нет.

— Ну хорошо. Северус, так Северус. А меня зовут Элеонора Патриция, но ты можешь звать меня просто Элли.

Так и не дождавшись ответа, женщина спросила, стараясь быть как можно приветливее:

— А куда ты идёшь?

Ответа она не ждала и тем сильнее удивилась, получив его.

— В Лондон.

— В Лондон? Но Лондон совсем в другой стороне, а это — дорога на Глазго! Да, и ты знаешь, что до Лондона отсюда очень далеко? Ты что, собрался идти туда пешком?

На этот раз мальчишка все вопросы проигнорировал. Похоже, всё доказывает, что он, и вправду, сбежал из психушки. Ну, может, и не из психушки... Элли покосилась на его отражение в зеркале: в чёрных, как угли, глазах светится острый ум. Нет, определённо, это не глаза сумасшедшего. Тогда, вероятней всего, мальчишка сбежал из дома. Элли призадумалась. Что же она должна делать в таком случае? Вернуть родителям? Или сдать в полицию? Но сперва надо попытаться выяснить, что случилось.

— А зачем тебе нужно в Лондон?

Странный пассажир устало вздохнул и ответил вопросом на вопрос:

— Мы едем в Глазго?

— Да.

— Как из Глазго добраться до Лондона?

— Да как угодно, только не пешком. Можно самолётом, поездом, автобусом, на попутках... — Элли спохватилась, обнаружив, что мальчишка перехватил инициативу, и вопросы уже задаёт не она. — Ты мне так и не ответил, что тебе нужно в Лондоне?

Она уж было решила, что мальчик опять промолчит. Некоторое время в салоне висела пауза. Затем он сказал хриплым, не по-детски отрывистым голосом, заставившим Элли вздрогнуть:

— Моя мама в Лондоне. В больнице. Мне надо спешить к ней.

Женщина не нашла, что ответить. Все слова показались пустыми и легковесными. Она никогда не умела обращаться с трагическими сторонами жизни: боялась не так выразить соболезнования подруге или знакомому по поводу смерти близкого, не знала, как себя вести с человеком, который переживает личную драму. В таких случаях Элли совершенно терялась. Вот и сейчас странный незнакомый ребёнок, назвавшийся Северусом, вызвал у неё знакомое чувство тревоги и беспомощности. Что-то в голосе мальчика подсказало ей, почему он боится не успеть.

Километров двадцать они ехали молча. Элли первая нарушила молчание:

— Северус, — она решила, наконец, назвать его этим странным именем. — Почему ты один, без взрослых?

— Кроме мамы у меня никого нет, — ответ прозвучал быстро и без интонации, и Элли в который раз пожалела, что совсем не разбирается в детской психологии.

Поди разбери, врёт он или говорит правду.

Элли снова посмотрела на мальчика в зеркало. В том, что у него горе, точно не врёт. Наоборот, всячески старается скрыть, но это ему плохо удаётся. Вон, меж бровей пролегла страдальческая складка. Это у ребёнка-то... Нет, не может она оставаться безучастной! Надо как-то помочь этому мальчишке... — Послушай, а у тебя деньги есть?

— Только десять кнатов, — паренёк ответил машинально, но, почувствовав недоумение собеседницы, быстро поправился. — То есть, десять пенсов.

Элли списала незнакомое слово на детский жаргон, а потом уж позволила себе удивиться по-настоящему:

— И как же ты собрался в Лондон вот так? Без пенса в кармане? Уверена, у тебя и документов с собой никаких нет?

Попутчик подтвердил.

— Ну и что же мне с тобой делать? Не бросать же?

Мальчишка равнодушно пожал плечами: этические проблемы спутницы совершенно его не волновали.

Элли задумалась:

— Ты хоть знаешь, в какой больнице лежит твоя мама?

— Знаю.

Ещё километров пять пронеслись в тишине. И Элли опять охватили сомнения:

— Ну не может так быть, чтобы ребёнок был совсем один! С кем-то же ты должен жить! На крайний случай, в детском приюте!

Видя, что мальчишка не собирается отвечать, она взволнованно продолжила:

— Послушай, Северус! Ясно же, что ты откуда-то сбежал! Я хочу тебе помочь. Но там, откуда ты удрал, о тебе будут волноваться!

Мальчишка резко её прервал:

— Не будут... И там, откуда я сбежал, знают, куда я направляюсь.

Элли опять не нашлась, что ответить. Этот ребёнок всё время ставит её в тупик. Она снова украдкой посмотрела на него. Господи, какой взгляд... Мрачный, будто принадлежит не ребёнку, а уставшему от жизни старику. И не по-детски решительный — нетрудно поверить, что если б не она, так и дошёл бы до Лондона пешком, без денег и куса хлеба. Если б не умер по дороге.

Элли спохватилась: ему надо поесть! Она вырулила к ближайшей заправке, залила полный бак и купила себе и Северусу колы и хотдогов. Хорошо, что догадалась купить по два, потому что мальчишка съел три и, судя по всему, остался голодным.

«Что же мне с ним делать? Надо на что-то решаться».

Маленький пассажир допил остаток колы и вежливо, но холодно поблагодарил.

«Нет, в полицию я его не сдам... Отправить в Лондон?», — Элли сомневалась, все возможные решения представлялись неполными. Лучше всего, наверное, было бы отвезти мальчика в Лондон самой, сопроводить в больницу, а потом вернуть домой, или где он там живёт. Но такой вариант нереален. Сколько бы не встретилось на пути нуждающихся в помощи детей, завтра утром ей положено быть на работе.

Элли подняла глаза на своего странного спутника. Мальчик следил за ней, ожидая решения, но оно, видно, ничуть его не волновало. Как бы Элли не поступила, этот странный ребёнок предпримет всё, чтобы добраться до Лондона, до больницы, до мамы... У мисс Хантер на душе заскребли кошки, сама-то последний раз видела свою мать не меньше месяца назад и, честно говоря, ещё не успела соскучиться. Ладно, она не монстр, но и невозможного требовать от неё тоже нельзя. Решено, посадит мальчика в автобус до Лондона и даст с собой карманных денег.

«Ну вот, даже дышать стало легче, — Элли повернула ключ зажигания. — Значит, так я и постоплю».

Глава 7. Мама.

Весь день она лежала в забытии,
 И всю её уж тени покрывали,
 Лил тёплый летний дождь — его струи
 По листьям весело звучали.
 И медленно опомнилась она,
 И начала прислушиваться к шуму,
 И долго слушала — увлечена,
 Погружена в сознательную думу...
 И вот, как бы беседуя с собой,
 Сознательно она проговорила
 (Я был при ней, убитый, но живой):
 «О, как всё это я любила!»
 Любила ты, и так, как ты, любить —
 Нет, никому ещё не удавалось!
 О, Господи!.. и это пережить...
 И сердце на клочки не разорвалось...

Ф. Тютчев

Северус стряхнул остатки сна и торопливо выбежал из автобуса. Victoria Bus Station. Вот он и в Лондоне. Дорогу из Глазго Северус не запомнил, так как практически сразу заснул на мягком сидении, убаюканный монотонным покачиванием автобуса и однообразным жужжанием голосов маглов.

Знать бы ещё, как отыскать больницу святого Мунго! Он в двадцатый раз пожалел, что не написал тётке и не выяснил всех подробностей. Хотя, какая она ему тётка? Северус ни разу её не видел. И разве эта женщина была с ними рядом в тот день, когда отец разлучил их с матерью?

Найти больницу оказалось делом не простым, но вполне осуществимым. Сперва Северус отыскал Диагон-аллею, на которой однажды уже был с отцом, когда тот покупал ему волшебную палочку... При мысли об отце мальчик с ненавистью стиснул зубы.

...Потом надо было у кого-нибудь из волшебников узнать, как попасть в Мунго. Северус долго бродил по аллее среди незнакомых людей, заходил в бары и магазинчики, всё не решаясь никого спросить. Наконец, он обратился к невысокой пухленькой ведьмочке с располагающим простоватым лицом, торгующей какими-то баночками и бутылками под вывеской «Мадмуазель Лямур. Всё для красоты и молодости!» Вместо того, чтобы просто ответить на простой вопрос, колдунья, скучавшая в отсутствии покупателей, решила, видимо, что мальчик послан ей Мерлином для долгой упоительной беседы. Она тут же начала выпрашивать у Северуса, зачем ему понадобилось в больницу, не заболел ли кто из его близких, почему он собрался туда один, без взрослых, где она уже могла раньше его видеть, нравится ли ему учиться в школе, есть ли у него братья и сёстры...

Бочком, бочком, Северус тихо прокрался к выходу и выскользнул из лавки, умудрившись даже не потревожить колокольчик на двери. А его ещё раздражала та любопытная маггла! Да она, по сравнению с этой ведьмой, просто каменная статуя, молчаливая и спокойная.

На вторую попытку заговорить с кем-нибудь Северус не решился бы вообще, если б его постоянно не подстёгивала мысль о матери. Наконец, он решился обратиться к сухонькому, сурового вида старичку, торговавшему на аллее подержанными книгами. Букинист, не задавая лишних вопросов, подробно растолковал, как попасть в Мунго. Северус благодарно кивнул и поспешил прочь.

* * *

Сердце тугим комочком подпрыгнуло к горлу, замерло, пропустив несколько ударов, и снова застучало, как бешеное. Северус медленно повернул дверную ручку и, не дыша, заглянул в палату.

На кровати слева, устремив стеклянный взгляд в потолок, лежала какая-то старуха. У другой кровати, на стуле, склонившись, сидел незнакомый крупный белобрысый мужчина лет тридцати. Широкой спиной он загораживал лицо второго больного.

Мальчик нерешительно замялся на пороге, сомневаясь, в ту ли дверь он вошёл. Неожиданно мужчина повернулся и, приветливо улыбаясь, окликнул его по имени:

— А, Северус! Вот ты какой! Заходи, заходи! — он нетерпеливо махнул рукой. — Я ж забыл, — белобрысый хлопнул себя по лбу. — Ты ж меня не знаешь! — Северусу его манеры явно не нравились, но мужчина, не обращая на это никакого внимания, продолжал громыхать. — А я твой дядя, дядя Майк! Можешь звать меня дядя Майки или просто Майки, или Майк, как тебе больше нравится! — по лицу расплылась глупая улыбка.

Племяннику не нравилось никак, но новообретённого родственника такая мелочь не могла смутить. От нахлынувшего раздражения и злости Северуса отвлёк слабый вздох, донёсшийся из-за могучего торса дяди.

«О, Мерлин! Не мог голос мамы ТАК измениться всего за месяц!»

Позабыв о белобрысом придурке, Северус кинулся к ней и остановился у постели, как громом поражённый. Всё время с момента получения письма он думал главным образом о том, как добраться до больницы. О состоянии матери он старался не задумываться, надеясь наивной детской верой, что тётка в письме сильно преувеличила опасность.

Реальность оказалась ужасной. Не надо было быть целителем, чтобы понять, что женщина обречена. И без того бледная кожа истончилась и выглядела серой, глаза блестели нездоровым блеском и выглядели огромными на исхудавшем лице. Бессильно откинута на одеяло хрупкая, цвета пергамента рука, казалось, могла переломиться от случайного прикосновения.

Не обращая внимания на посторонних, Северус опустил на колени и прижался лицом к руке матери, давясь слезами и изо всех сил сжимая зубы, чтобы не зарыдать во весь голос.

— Севи, — слова давались Маргарите с трудом. Она попыталась оторвать голову от подушки, но у неё не получилось. Брат тут же пришёл на помощь, устроив Маргариту в полусидящее положение.

— Севи, — тихо повторила она. — Как ты... — больная остановилась, чтобы набрать воздуха, — Как ты добрался сюда? Один?

Она выглядела встревоженной, и Северус поспешил её успокоить:

— Всё хорошо, мама. Правда, всё хорошо, — он незаметно вытер слёзы рукавом.

— Майк, — голос женщины звучал слабо и взволнованно. — Северус остановился у тебя?

Мужчина замялся:

— Э-э-э... Знаешь, сестрёнка...

— Мама, всё в порядке, со мной всё благополучно, — мальчик торопливо искал подходящий ответ. — Да, я остановился у дяди... Майка.

— Молодец... — Маргарита расслабилась, и на губах появилась усталая улыбка.

— Мама, как ты? — Северус замер в ожидании, наперёд зная ответ и зная заранее, что услышит ложь.

— Хорошо, сынок... Я скоро поправлюсь...

Северус прижался щекой к холодной, как лёд, материнской ладони, пытаясь согреть, передать ей вместе с теплом частицу своей жизни, всю жизнь... На глазах снова выступили предательские слёзы. Ну зачем, для чего здесь эта мерзкая старуха и тупой белобрысый шкаф?! Неужели эти пародии на людей не поймут, насколько они лишние?! Почему старая ведьма с равнодушными пустыми глазами жива? А мама... Мама — добрая, родная, единственная — его мама должна умереть?!!

— Мэгги, ты... того... выздоравливай давай. Тебе все наши привет передают... Дункан, Джулия, Берта со всем семейством, Эмма с детишками... Ты не вздумай раскисать. Моя Салли сейчас третьего ждёт, будешь крёстной... Я фрукты тут тебе принёс. Не знаю, ты персики любишь? И сок. Пей побольше сока, Салли говорит, тебе нужно больше витаминов...

«Уйди, наконец, уйди же!» — молил про себя Северус.

Майкл МакГрегор направился к двери:

— Ну, Мэгги, я, пожалуй пойду... Северус, я тебя внизу подожду, пока ты с матерью... э-э-э... — он чуть не сказал «попрощайся», но в последний момент заменил его на «поговоришь».

Уже в дверях здоровяк опять спохватился:

— Ой, Мэгги! Как же я мог забыть! Салли меня бы точно убила! — мужчина порылся в бесформенной безразмерной сумке, перекинутой через плечо, и выудил оттуда пёстрый

свёрток. — Вот, жена специально для тебя сшила. Халат или что там, я в вашем женском не понимаю.

— Спасибо, Майки, — одними губами произнесла Маргарита, и на серых щеках проступило слабое подобие румянца. — Передай Салли и ребятишкам, что я их очень люблю, — её лицо осветила спокойная улыбка.

Северус никогда не видел таких белых губ.

Дверь за дядей закрылась, а мальчик всё смотрел и смотрел на мать, не зная, что сказать. Она тоже глядела на сына. Ласково. Улыбаясь одними уголками губ.

«Ну вот и всё. Я увидела моего мальчика перед смертью...» — Маргарита съёжилась, почувствовав ледяной, давящий животный страх. Лавиной обрушилась на неё не прожитая, не выпитая, не выдышанная ею жизнь. Детство, когда она могла бы играть и беззаботно веселиться... Школа, где она могла бы постичь тонкости колдовства и найти друзей... Мужчины, которых она могла бы полюбить, и которые любили бы её... Семья: надёжный заботливый муж и двое ребятишек, как у Катрионы, мальчик и девочка. Та семья, которой у неё никогда не было... Пусть всего этого не было и раньше! Но тогда была жива надежда, что когда-нибудь всё изменится! Ну не всё, так хоть что-нибудь... А теперь... Теперь нет даже надежды, этого слабого, но верного огонька, который вёл через всю жизнь, пусть не грея, но хотя бы освещая дорогу...

«Севи мой, Севи... Как ты без меня, один... Отец ведь совсем тебя не любит», — Маргарита вспомнила, как тот мучил сына «круциатусом», и на её глазах выступили слёзы.

«Мой сыночек, маленький мой, ну как, как я тебя оставлю?..»

«Мама, мамочка, только не умирай! Не умирай, пожалуйста! Господи, Мерлин, ну хоть кто-нибудь Всемогущий! Сделай так, чтобы мама поправилась! Я обещаю стать другим. Я буду добрым, терпеливым, скромным, я помирюсь с Поттером и Блэком... Только, пожалуйста, пожалуйста, пусть мама выживет! Забери у меня половину жизни и отдай ей! Я всё, всё сделаю... Хочешь, отними у меня всю магию, сделай сквибом, маглом, кем угодно! Пусть только она живёт!!!»

Невысказанные мысли напряжённо звенели в застоявшемся больничном воздухе, но вслух не было произнесено ни слова.

* * *

Северус не заметил, сколько прошло минут, бег времени для него остановился. Из странного сомнамбулического состояния его вывело настойчивое похлопывание по плечу.

— Вставай, мальчик, тебя твой дядя, мистер МакГрегор, уже час, как внизу дожидается.

— Встава-ай! — чужие руки бесцеремонно трясли Северуса за плечи.

Выйдя из оцепенения, мальчишка обернулся и увидел худого раздражённого парня в накрахмаленной белой мантии со значком «помощник целителя».

— Время посещений закончилось. Приходи завтра!

Не слушая его, Северус растерянно посмотрел на маму, испугавшись, что накрахмаленный парень мог её разбудить. Она спала. Мальчик выдохнул скопившийся в груди ненужный воздух и, не в силах отвести глаз от измождённого серого лица, позволил себя увести.

Очувтившись в коридоре, парень в белой мантии плотно притворил дверь и посоветовал поторопиться к заждавшемуся дяде. Северус метнул в него убийственный взгляд, но помощник целителя уже бодро удалялся прочь, насвистывая на ходу удалой мотивчик.

С трудом подавляя гнев, Северус брёл по коридору. Он нарочно двигался медленно, чтобы чёртов дядя прождал подольше.

На углу, там, где коридор поворачивал, из-за приоткрытой двери доносились обрывки разговора. Северус замедлил шаг, прислушиваясь. Внезапно побледнев, он приник к щели, напряжённо ловя каждое слово.

— ... неизвестная болезнь? За две недели второй пациент с аналогичными симптомами.

— Кто на этот раз?

— В том-то и дело, кто! Дуайт Стюарт, глава шотландского департамента.

— Ты серьёзно? Не шутишь?

— Какие шутки! Министр лично вызывал к себе для накрутки!

— Опа! И кто будет преемником?.. Если, конечно, мистер Стюарт не поправится?

— Не знаю. Сейчас, вроде, его первый зам, некто Герберт Страут. Похоже, он и останется.

— Да уж... Не люблю я этих министерских крыс... Кстати, Эдвин, ты уверен, что это — именно болезнь? Я больше склоняюсь к версии с ядом...

— Барни, не мели ерунды. У Снейп из двадцатой палаты точно те же симптомы, думаешь, она как-то может быть связана с мистером Стюартом? Кроме того, мы ей сделали уже все возможные анализы. Проверили кровь, волосы, ногти, мочу — нигде нет ни малейших следов ни одного из известных ядов.

— Мда... Ну и задачка... Возможно, вскрытие Маргариты Снейп даст новую информацию...

Дальше Северус не слушал. Он со всех ног бросился прочь, промчался по лестнице, вылетел в холл и уткнулся в чей-то упругий живот.

— Северус, а я уж начал волноваться... — дядя в который раз одарил племянника своей фирменной тупой улыбкой. — Чего это ты такой бледный? — он потрепал мальчика по волосам, — Из-за мамы? — всё с той же идиотским выражением он заглянул Северусу в лицо. — Ты не бойся, твоя мама поправится. — МакГрегор потянул мальчишку за руку. — Пойдём лучше. Я тебя со своей семьёй познакомлю.

Северус не слушал. Его убивало равнодушие окружающего мира. Он ненавидел накрахмаленного парня, ненавидел этого добродушного имбецила, ненавидел целителей... «Вскрытие Маргариты Снейп даст новую информацию!» Вот и всё... А она ведь ещё даже не умерла!..

...Да пусть взорвётся всё к чертям собачьим! Всё! Весь этот проклятый, бездушный, несправедливый мир!!! Ну почему, почему когда ему так плохо, когда он скоро лишится мамы, солнце продолжает светить, птицы чирикать, и листья на деревьях не почернели, а по-прежнему зелёные?!..

Дядя уже волок его по улице, но Северус ничего не замечал.

...Ну почему он не может умереть прямо сейчас, чтобы больше не ждать, не терзаться, не мучаться?! Чтобы раз — и всё закончилось! Всё равно впереди не будет ничего хорошего!!!..

Сквозь туман и вату до мальчишки донеслось бодрое бормотание дяди:

— ...Сара, ей пять лет, и младшенькая Алиса — Джейн, правда, ей только три, особо не поиграешь. Но у нас сейчас как раз гостят племянницы, дочки твоей тётки Эммы. А, ну да, ты же никого не знаешь... Кэрл, Сьюзен и Аманда — они-то постарше будут...

Северус бросил на своего спутника полный ненависти взгляд. Тот с понимающим видом кивнул:

— Да, да, одни девчонки, точно, — дядя хмыкнул. — Ничего, будут тебе и пацаны. Вот приедет братец Дункан со своими четырьмя кородами...

* * *

Через две недели Маргарита Снейп, урождённая МакГрегор, умерла. Был жаркий солнечный день. Лондон кричал, шумел, гудел, словно восточный базар, радуясь солнцу и не забывая о своих привычных делах.

Всё было, как обычно. Для всех.

За исключением двенадцатилетнего мальчика с чёрными спутанными волосами. Он лежал на кровати в огромной комнате, полной визга и воплей его кузин и кузенов, попеременно то дружно играющих, то ссорящихся. Поначалу дети пытались вовлечь Северуса в свои забавы, но он отгородился ото всех, в том числе и от желающей вымыть его грязные космы пузатой тётки, стеной мрачного неприятия. Постепенно от Северуса отстали, лишь изредка сетуя, что «мальчишка пошёл не в МакГрегоров».

Завтра его последний день в этом Содоме. Завтра состоятся похороны. В голове громко и навязчиво, колоколом гудели дядины слова: «Завтра... похороны...» Завтра приедет отец и заберёт его домой... Полнейшая апатия. Ему уже не было никакого дела ни до Нерона Снейпа, ни до кого. Пусть везут куда хотят, хоть на кладбище закапывают...

Две недели он прожил у родственников, ежедневно, с утра до ночи, проводя всё время в больнице. Последние дни мама большей частью была без сознания, и Северус просто сидел рядом, держа её тонкую руку. Когда же она приходила в себя, мальчик тихим успокаивающим голосом рассказывал, как интересно учиться в школе, вспоминал их общие чудесные каникулы, убеждал, что она непременно поправится, и они снова будут жить вместе в их маленьком доме. Спокойствие и уверенность, которые Северус излучал в присутствии матери, давались ему с огромным трудом. Вечером, возвращаясь в дом дяди, он валился на кровать практически без чувств, и добрая Салли МакГрегор каждый раз расстраивалась до слёз, убирая нетронутый ужин.

Когда поминки подошли к концу, и толпа бесчисленных родственников начала редеть, к сжавшемуся в тёмном углу Северусу подошёл дядя Майк.

— Севи...

Мальчик так сверкнул глазами, что даже МакГрегор понял свою ошибку:

— Прости. Северус. Э-э-э... Мы тут с тётёй Салли поговорили, — он бросил встревоженный взгляд в сторону развалившегося в кресле Нерона, потягивающего огневиски прямо из бутылки. — Мы подумали, что, может, тебе лучше будет остаться жить у нас?

Мальчик посмотрел на него так, словно увидел впервые. «А он не так уж плох, этот МакГрегор. Пожалуй, он не заслужил такого врага, как мой отец».

— Нет. Спасибо, но я вернусь... к отцу, — он чуть не произнёс «домой», но в памяти всплыл образ деревянного покосившегося двухэтажного дома, увитого плющом, и отчего-то заныло сердце. Северус вспомнил, что всё имущество матери после смерти достанется супругу, а, значит, и дом тоже. «Тоже»... Можно подумать, у неё было что-то ещё. Интересно, как отец им распорядится? Сожжёт? Снесёт? Продаст? Может, всё-таки третье? Тогда есть надежда прийти туда ещё... Нет. И незачем себя обманывать. Это будет другой дом. Чужой. Не их — его и мамы. Того дома уже не существует.

— Спасибо. За всё, — он пожал руку МакГрегору и подошёл к отцу.

Тот уже допил свой виски и, не выпуская из длинных пальцев пустую бутылку, со злостью пялился на толстушку Салли, уносящую со стола грязные тарелки.

— Пойдём, — мальчик тронул старика за плечо.

— Давно пора! Мне надоел этот свинарник!

Катриона Страут, прибывшая на похороны одна, без мужа, бросила на зятя возмущённый взгляд. Тот в ответ оскалился, с готовностью цепляясь за возможность учинить скандал. Северус процедил:

— Только не сегодня! — и с силой дёрнул отца из кресла. — Пойдём!

Старик, как ни странно, подчинился. Опершись на плечо сына, он выбрался из низкого кресла, шаркая, проследовал к столу, рассмеялся, когда Салли, резко отшатнувшись, выронила тарелку, брезгливым жестом швырнул на пол пустую бутылку из-под огневиски и, бросив щепоть порошка, шагнул в камин. Северус последовал за ним.

Впереди его ждали мрачный пустой замок, годы одиночества, вражды и ненависти. И ошибка. Роковая, непоправимая ошибка, лишившая Северуса даже той толики света, что была у его матери — надежды.

Глава 8. Берта Джоркинс.

Умный слушал терпеливо
Излиянья дурака:
«Не затем ли жизнь тосклива,
И бесцветна, и дика,
Что вокруг, в конце концов,
Слишком много дураков?»
Но, скрывая желчный смех,
Умный думал, свирепя:
«Он считает только тех,
Кто его ещё глупее, —
Слишком много для него...
Ну а мне-то каково?»

Саша Чёрный

Аделаида Аманда Лучия была на редкость умной девочкой. Талантам её не было числа. Все школьные предметы давались ей легко и просто. А о её красоте в Хогвартсе ходили легенды.

Так всё и было. В её воображении.

Да, и на самом деле, звали её Берта Джоркинс.

* * *

Не обращая внимания на стук, Берта внимательно изучала своё отражение в зеркале ванной комнаты шестикурсниц. На неё глядела пухлая девочка с курносым носом и невыразительными серыми глазами в обрамлении светлых, почти незаметных ресниц. На носу и лбу красовались два внушительных размеров прыща. Берта вздохнула и попыталась прикрыть тот, что на лбу, чёлкой. Волосы послушно легли на место, но, стоило ей легонько качнуть головой, как они тут же предательски рассыпались по сторонам, выставя негодный прыщ на всеобщее обозрение.

— Берта! Ну ты скоро?

— Чем это она там занимается?

— Небось прыщи свои разглядывает!

За дверью раздалось сдавленное хихиканье.

Берта с ненавистью посмотрела на своё отражение. Прыщавая жирная корова! Ни один мальчик не хочет с ней встречаться! А ещё все они считают её дурой! Дурой и тупицей! И только потому, что по всем предметам у неё стоит «удовлетворительно»!

Она намылила руки и принялась яростно тереть лицо, словно надеясь таким образом избавиться от прыщей.

Голоса за дверью стали громче.

— Берта, ты что, рехнулась? Сколько можно намываться? Мы из-за тебя на завтрак опоздаем!

Самые нетерпеливые принялись молотить в дверь ногами.

— Да что вы с ней церемонитесь? Алохомора!

Деревянная дверь распахнулась, и в ванную, небрежно помахивая палочкой и брезгливо поглядывая под ноги, чтобы не наступить в одну из луж, которые в изобилии покрывали пол, вошла Флора Айсривер.

— Берта, солнышко, чем переводить мыло и сушить свою и так далеко не атласную кожу, сходила бы ты, детонька, к мадам Готье. Пусть она даст тебе какой-нибудь крем от прыщей. Или хотя бы уменьшит их уменьшающим заклинанием.

В дверь просунулась рыжая смеющаяся голова — это Соня Вайсмюллер, подружка, наперсница и неотлучная тень Флоры.

Берта торопливо смыла с лица остатки пены и недобро зыркнула на Флору. Та в ответ преувеличенно ласково улыбнулась.

— Иди ты знаешь куда со своими советами! — помимо воли голос Берты звучал визгливо и отрывисто.

— Нет, милочка, представь себе, не знаю. И куда же? Может быть, посоветуешь? — издеваться над дурочкой Джоркинс было любимым Флориным развлечением.

— К чёрту иди, дылда! Ясно тебе?! — Берта сорвалась на визг. — Сама-то на себя посмотри — небось, каждый день этим кремом мажешься?!

Флора и бровью не повела, лишь немного повернула голову, обращаясь к Соне:

— Дорогая, я начинаю волноваться за малышку Берту... Ты не могла бы сбежать к мадам Готье, попросить у неё бутылочку успокаивающего зелья?

Рыжая хохотушка с готовностью кивнула, но никуда, разумеется, не побежала, только पुще засмеялась, да так, что на глазах выступили слёзы.

Берте бы уйти, но она обернулась к Соне и ядовито зашипела:

— Что ржёшь, обезьяна рыжая? Может, хочешь, чтобы я рассказала МакГонагалл, как ты списала домашку у Айсривер?

В комнате повисла тишина. Стукачей и ябед не любили ни на одном из факультетов. Тем более, когда доносили на своих.

— Джоркинс, да ты в своём уме? Ты это серьёзно сказала? — медленно переспросила Флора, с высоты своего роста пристально разглядывая Берту.

Та уже поняла, что ляпнула лишнее, но признавать свои ошибки не умела, и потому с вызовом выпалила:

— Да!.. А что такого? Это же правда! — Берта ушла в оборону.

Маленькая немочка хотела возмутиться, но подруга взяла её за плечо:

— Пойдём, Соня. Глупость — это диагноз и притом неизлечимый...

Рыжая егоза прыснула и показала Берте язык.

— Ну всё, Джоркинс, думаешь тебе самой кто-нибудь даст теперь списать? Ябеда, — растянула она последнее слово, хохотнула и снова повторила. — Ябеда, ябеда!

Берта осталась одна, растерянно хлопая белёсыми ресницами. Ну что она опять сделала не так? Айсривер такая высокомерная, даром, что из маглов... И всегда издевается! У этой длинной твари просто талант доводить! А рыжая подпевала так вокруг и крутится! И что Соня ей нашла? Флора ведь даже не отличница! И нос у неё длинный, и стрижка дурацкая, мальчишеская! Самое обидное, что эта крыса всегда окружена парнями...

* * *

«Нюниус?.. Интересно, что ему тут понадобилось? Чего это он волочит свои худые ножищи к теплицам, да ещё один? Впрочем, в том, что один, нет ничего удивительного. Этот Снейп всегда ходит один, с ним никто не хочет дружить!»

Берта злорадно рассмеялась. Приятно сознавать, что есть в школе кто-то, кому ещё хуже, чем ей.

«Почему бы мне его не выследить? Может, у Нюниуса есть какой-то секрет? Или он закопал за теплицами свои галлеоны? А потом я смогу найти их и забрать себе... Говорят, этот зазнайка из очень древнего рода. Наверняка, жутко богатый. А деньги прячет, чтобы свои же слизеринцы не украли. Эти Гойл и Лестрейндж — хуже бандитов...»

Берта незаметно пристроилась в спину Снейпу, следуя за ним шагах в двадцати. Она старалась двигаться, как можно бесшумнее, чтобы ничем себя не выдать. Но худой черноволосый подросток в длинной мантии её не замечал: он был слишком взволнован и поглощён своими думами.

Подойдя к теплице, парень замедлил шаг и резко обернулся. К счастью, как раз в этот момент Берту заслоняли пышные кусты сирени, и Нюниус не мог её заметить. Он потянул носом воздух, словно принюхиваясь, откинул с лица длинные волосы и скрылся за теплицей.

Сгорая от любопытства, Берта торопливо подбежала ближе и осторожно высунула нос за угол. О нет!.. Раньше она думала, что «отпала челюсть» — это образное выражение. Какое там образное! Челюсть у неё отпала куда как буквально! Нюниус был не один!.. Он... Он был вдвоём с Флоренцией Айсривер, и они целовались!!!

«Фу... — Берту передёрнуло от отвращения. — Нюниус такой урод... И к тому же на два года младше... И ниже её... Даже я не стала бы с ним гулять... Айсривер, похоже, стукнутая на голову!»

Она снова заглянула за угол, желая ещё раз взглянуть на целующуюся парочку. Лица парня не было видно, только спину. Зато Берта смогла хорошо разглядеть свою соседку по комнате. Глаза Флоры закрыты, на щеках румянец, пальцы перебирают длинные патлы Нюниуса...

«...Интересненько, а Ньюниус в курсе, что Айсривер — грязнокровка?»

Берта еле удержалась, чтобы тут же громко не расхохотаться. Она так бы и сделала, если бы не побаивалась Флору. Ньюниуса-то что бояться? Он же — малолетка. А вот от длинной стервы жди неприятностей...

* * *

Вечером в факультетской гостиной Берта то и дело бросала на Флору загадочные взгляды, которые она сама считала полными чувства собственного превосходства, а Флора приняла за симптомы прогрессирующего кретинизма.

Наутро за завтраком Берту так и подмывало рассказать всем о своей тайне. Она даже чуть не проговорила соседке по столу, толстушке Линдси Шеннон, но случайно встретилась взглядом с Флорой и вовремя замолчала.

Тогда она решила развлечь себя наблюдением за Ньюниусом, сидевшим на краю слизеринского стола. Тут её ждало очередное разочарование. Снейп не краснел, не бросал на Айсривер влюблённых взглядов и, вообще, не делал ничего необычного. Берта даже засомневалась, его ли она вчера видела за теплицами. Взгляд девушки скользнул по соседкам, и Берта заметила, что она — не единственная, кто наблюдает за столом Слизерина. Глаза Флоры направлены туда же. «Да, точно! Смотрит на Ньюниуса! Брр... И что только Айсривер в нём нашла? Ведь за ней сам Людо Бегмэн ухаживал! Красавчик!» Берта сладко вздохнула. «А как в квиддич играет... И не малолетка, как этот Северус, а семикурсник... Айсривер, идиотка, его отшила... Вот ведь дура! Людо, небось, не долго скучал, белобрысая скандинавка его быстро утешила...» Берта бросила на Флору быстрый взгляд: может у той с горя, что Бегмэн променял её на Бригиту, крыша поехала? Как иначе объяснить то, что она встречается с этим изгоем, Ньюниусом?

* * *

Никогда ещё Берта не ждала конца урока с таким нетерпением. А это значило не так уж мало. Она была далеко не лучшей ученицей. И если других учеников любопытные родственники расспрашивали, какой предмет у них самый любимый, Берту Джоркинс правильнее было бы спросить, какой предмет у неё менее ненавистный.

Наконец она положила на стол преподавателя покрытый чешуёй коврик, который несмотря на все её вялые старания так и не стал рыбой. Минерва МакГонагалл хмуро посмотрела на злополучный экспонат и покачала головой. Возле неё в большом аквариуме весело плескались золотые рыбки — другие ученики с заданием справились.

Берта закатила глаза и понуро пожала плечами, как бы говоря: ну я же старалась. Но на профессора МакГонагалл пантомима не произвела впечатления. Её давно уже беспокоили лень и отсутствие жизненной позиции у этой неплохой, в сущности, девочки.

— Джоркинс. Вам персональное домашнее задание. Превратитесь в золотую рыбку, — она внимательно посмотрела на Берту поверх очков. — Если вы не справляетесь, я могу назначить вам дополнительное занятие. Хотите?

— Нет-нет, — Берта испуганно замотала головой. — Всё в порядке. Просто сегодня ... голова болит.

МакГонагалл посмотрела на неё недоверчиво:

— Тогда, мисс Джоркинс, вам следовало обратиться к мадам Готье.

Берта замаялась, подыскивая подходящую случаю ложь:

— ...Голова заболела уже в середине урока...

— Надо было отпроситься у меня. Головную боль мадам Готье лечит за пять минут, — строго отчитала девушку профессор.

Берта кивнула с видом виноватой покорности, быстро попрощалась и выскользнула из класса.

«Скорей! Надо проследить за Флорой!» Берта шустрыми беличьими глазками оглядела коридор, но одноклассниц уже и след простыл: «Чёртова старая дева! — прошлась она в сторону МакГонагалл. — Где я теперь найду Айсривер?» Берта попробовала напрячь мозги, что бывало с ней крайне редко, и пришла к заключению, что Флора может оказаться у теплиц. Зачем ей понадобилось снова выслеживать парочку, Берта не отдавала себе отчёта. Она просто получала от этого некое извращённое удовольствие. Возможно, ей грело душу осознание того, что Флора Айсривер, гордочка, задавака и злюка, пала так низко, что встречается с Ньюниусом Снейпом.

Глава 9. Проступок Северуса.

Колют ресницы, в груди прикипела слеза.
Чую без страху, что будет, и будет гроза.
Кто-то чудной меня что-то торопит забыть.
Душно — и всё-таки до смерти хочется жить.

О. Мандельштам

Северус медленно, не торопясь, складывал учебники в сумку. Зелья — последний урок, потом он совершенно свободен. Есть ещё целый час до встречи с Флорой. Как сладко тянется ожидание! Божественно сознать, что никто из этих безмозглых тупиц не догадывается о его тайне. Северус поднялся, закинул на плечо сумку и, кивнув профессору Эссенсу, вышел из класса. Гойл, эта пустоголовая бездарность, всегда вылетает из аудитории первым. Можно подумать, лишняя минута, проведённая среди котлов, чревата для него непоправимыми последствиями.

Северус направился в гостиную своего факультета.

...Нет, только не Поттер и Блэк! Он непроизвольно поморщился. Стоят посреди коридора, не иначе как его дожидаются. И Люпин с Петтигрю тут же. Хорошо, что сперва заглянул за угол. Надо ж, какие смелые благородные гриффиндорцы — вчетвером одного подкарауливать. Люпин, как всегда, будто не причём, — в сторонке, чуть поодаль, предпочитает смотреть, а не участвовать. Чистоплюй.

* * *

Хорошее настроение было безвозвратно испорчено. Северус брёл в сторону теплиц, хмуро глядя себе под ноги и пиная пустую упаковку.

Весна не радовала его. «И что хорошего все в ней находят? Самое дурацкое время года... Вообще, время тянется ужасающе медленно... Три с половиной года осталось! Мерлин, как же долго ещё терпеть! Насмешки, издевательства... Тупицы! Когда-нибудь я отомщу им всем! И Поттеру, и Блэку, и Люпину, и Петтигрю ...»

Скорей бы закончить школу... Вот было бы хорошо заняться исследованиями, иметь собственную лабораторию... Отец вон всю жизнь зелья изобретает... Жаль, не удалось взломать защиту на рукописи... Интересно, что там?.. А на лабораторию — где взять деньги? Отец и кната не даст...

Подумать только, три месяца назад я чувствовал себя совсем взрослым! Идиот! Как же — пятнадцать лет исполнилось! Да ещё Флора...» Он вздрогнул. Северус не понимал, что нужно этой девушке. Он даже не знал, нравится она ему или нет.

...Зато помнил, как напряглась его спина, когда Флора впервые приблизилась к нему. Высокая, худая и смуглая, с тёмным мальчишеским ёжиком на голове, она подошла за ужином к столу Слизерина. Отводя глаза, попросила дать конспект лекций за четвёртый курс, потому что свой потеряла, а профессор МакАлистер дал задание по пройденному материалу. Северус недоверчиво посмотрел на неё, но полез в сумку и, достав тетрадь по арифмантике, протянул девушке, стопроцентно уверенный в том, что увидев его жуткий почерк, она немедленно вернёт конспект обратно. Флора не вернула и не ушла. Северус внимательно изучал её, ожидая подвоха: Айсривер была известна в школе острым языком и задиристым нравом. Соседи по столу бросали на маглокровку косые взгляды. Побежали шепотки, но в открытую никто не выступил: побаивались директора и преподавателей.

— Когда тебе её вернуть? — голос Флоры прозвучал неестественно звонко.

— Когда хочешь. Следующая арифмантика у нас только в понедельник.

— А-а-а.... Ну, тогда в субботу. Тебя устроит?

Северус безразлично кивнул.

Она понизила голос:

— Послушай, Снейп, вижу твои друзья не очень-то мне рады. Ты не против, если мы в следующий раз встретимся где-нибудь на улице?

Северус на секунду задумался, попытавшись представить, что чувствует маглокровка, оказавшись у слизеринского стола, но понял, что ему это нисколько не интересно.

Глава 9. Проступок Северуса.

— Они мне не друзья, — он машинально поправил девушку и, неожиданно увидев отклик в её глазах, испугался. «Ей что — меня жалко?» Северус неподвижно уставился в свою тарелку, словно увидел там что-то безумно интересное. Айсривер постояла ещё немного и ушла. Он понял это по тому, как исчез окутывавший её аромат свежих яблок...

...Он пришёл слишком рано. Ещё целых полчаса надо как-то убить. Не проблема: в сумке дожидается интересная книга, а за кустами сирени есть удобная скамейка...

«Берта Джоркинс. Тупая ябеда-шестикурсница. Что она здесь делает? Ладно, сделаю вид, что не заметил её».

* * *

Берта торчала у проклятых теплиц уже около получаса и не встретила ни одной живой души. Хитрая длинная бестия! Опять эта Айсривер обвела её вокруг пальца!

Девушка поднялась, чтоб уйти, но тут же передумала. По дорожке, ведущей от замка, приближалась тощая фигура. Берта задрожала от нетерпения, словно свидание было назначено не Флоре, а ей. К сожалению, возможности проверить и сравнить ощущения у неё не было: свидания Берте ни разу никто не назначал.

Она слишком поздно поняла, что позабыла спрятаться, и шанс был упущен. Но мысль, пришедшая в голову, показалась ещё заманчивей. Раз Ньюниус не ушёл, а, как ни в чём не бывало, опустился с книжкой на скамейку, Берта решила дождаться прихода Флоры. Интересно будет поглядеть, как вытянется лицо Айсривер.

Берта искоса поглядела на Ньюниуса. Хоть бы причесался или голову вымыл, что ли! Как-никак, с девушкой встречается!

Время шло, Джоркинс изнывала от скуки. Ничего, абсолютно ничего не происходило. Снейп, как уставился в свою дурацкую книжонку, так и сидел, приклеившись. Даже ни разу глаза не поднял. Айсривер так и не появилась. Похоже, на этот раз она просчиталась и пора уходить... Но Бертино упрямство требовало продолжения. Не зря же она здесь столько торчала.

— Что, Ньюниус, интересная книжка?

Мальчишка промолчал, и Берта разозлилась: как этот тщедушный малолетка смеет игнорировать её, шестикурсницу?

— Ты что, Ньюниус, оглох?! К тебе обращаюсь!

Подросток медленно закрыл книгу и поднял голову.

— Моё имя — Северус.

Берта не ожидала такой реакции: она думала, мальчишка смутится или начнёт огрызаться. В ней закипело раздражение.

— Может, для Айсривер ты и Северус, а для меня — будешь Ньюниус!

Ура! Берта ликовала: слизеринец стал белее полотна, а на костлявых скулах запылали красные пятна. Она решила развить успех.

— Угадай, что я видела в четверг за теплицами?

— И что же, интересно, ты там видела, Джоркинс? — голос Северуса стал пугающе ледяным, но Берта не обратила на это внимания.

— Я видела, как вы с Айсривер целовались, вот что!!! — выпалила она, чувствуя себя при этом, как полководец, вступающий под грохот барабанов в покорённый город.

Следующим намерением Берты было спросить Ньюниуса, как отнесутся его чистокровные сокурсники к тому, что он встречается с грязнокровкой, но сделать этого она не успела.

Молниеносно мелькнула палочка. В мгновение ока Берта оказалась словно зашитой в непроницаемый чёрный мешок. Ни единый звук не достигал её. Было абсолютно темно, она ничего не видела, сколько ни тёрла глаза. Девушка почувствовала, как нарастает в груди дремучий, первобытный ужас, и закричала. Жалобный, пугающий вопль разнёсся над замком, но сама Берта его не услышала, и от этого ей стало ещё страшнее. Она рванулась в сторону, словно надеясь бегством вырваться из липкой чёрной паутины, окутавшей сознание, лишившей слуха и зрения. Нога зацепилась за корень, и Берта во весь рост растянулась на земле, тихо поскуливая и даже не предпринимая попыток встать.

* * *

— ...Северус! — голос директора был непривычно жёсток. — Ты должен немедленно объясниться! Я не потерплю, чтобы студенты Хогвартса использовали чёрную магию и, тем более, направляли её против других учеников!..

Альбус Дамблдор взволнованно ходил по своему кабинету. Костлявый четверокурсник в чёрной мантии с гербом Слизерина стоял у директорского стола и, не мигая, смотрел в пол. Чёрные сальные волосы спадали на лицо.

— ...Этот поступок не может остаться безнаказанным! Сделать *такое*, да ещё с девушкой!.. — директор разочарованно посмотрел на мальчишку. — Признаться, я, Северус, был о тебе лучшего мнения!

На протяжении всей речи директора подросток ни разу не пошевелился и не проронил ни единого слова.

— Послушай, Северус... — интонация старика смягчилась. — Ну скажи мне, что Берта тебе такого сделала? Ведь не мог же ты проклясть её просто так?

Мальчишка продолжал молчать, со скукой разглядывая носки своих ботинок.

— Ты хоть понимаешь, что тебе грозит исключение из школы? — Кажется, угроза подействовала: чёрная фигурка чуть заметно вздрогнула.

Опытный взгляд старого директора ловко выцепил эту деталь.

— Северус, пойми, я не желаю твоего исключения, но ты же сам понимаешь: то что ты сделал — не шуточки... Если ты мне всё расскажешь, я попытаюсь как-нибудь помочь.

На лице подростка отразилась внутренняя борьба. Дамблдор молча наблюдал за ним. Казалось, мальчишка вот-вот решится всё ему рассказать, но нет — только крепче сжал губы, и — откуда столько наглости — с вызовом посмотрел ему в глаза.

— Ладно, мистер Снейп, пока идите, — директор был раздосадован. — А я поговорю с мисс Джоркинс.

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появилась Берта. Сзади в плечо её мягко подталкивала профессор МакГонагалл.

* * *

Берта бросила испуганный взгляд на Снейпа и, только после того как тот пулей вылетел за дверь, задев её по пути лапами мантии, осмелилась наконец раскрыть рот.

— Профессор Дамблдор! — голосок прозвучал обиженно и плаксиво, словно скулил щенок.

— Успокойся, Берта. Всё позади. Профессор МакГонагалл полностью сняла проклятие, — добрый взгляд васильковых глаз оказал своё обычное действие, девушка расслабилась. — Расскажи нам, пожалуйста, что произошло между тобой и Северусом, — директор испытующе посмотрел на Джоркинс.

— Он наложил на меня заклятие, профессор Дамблдор! А я ведь только дразнила его, сэр, сказала, что видела, как он в четверг целовался с Флоренцией за теплицей...

— Но зачем, Берта, — печально спросил Дамблдор, — зачем тебе понадобилось следить за ним?

Девушка растерянно захлопала ресницами и промолчала. Профессор МакГонагалл неодобрительно покачала головой:

— Мисс Джоркинс, вы чересчур любопытны. Если б хоть малую толику своей любознательности вы соизволили направить на школьные предметы, ваши успехи в науках, несомненно, поднялись бы выше отметки «удовлетворительно».

— Ну-ну, Минерва, не будь настолько строга, — директор примирительно улыбнулся. — А ты, Берта, ступай... Да, и не стоит впредь быть такой... любопытной, — старик усмехнулся в бороду и, когда дверь за девочкой закрылась, обратился к МакГонагалл. — Ну и что мы будем делать с Северусом?

Женщина удивлённо посмотрела на него из-под очков:

— Я полагала вопрос об исключении Снейпа решённым. Разве недостаточно того, что он применил к девушке проклятье, известное только тёмным магам?

Директор весело улыбнулся:

— Тогда, Минерва, тебе следует срочно вызывать авроров, перед тобою — тёмный маг — я тоже знаю это проклятие.

— Вы — совсем другой разговор, — сконфузилась профессор трансфигурации. — Вы никогда не примените свои знания во зло. Но Северус...

— Мне почему-то кажется, что Северус — добрый мальчик, — промолвил Дамблдор.

МакГонагалл бросила недоверчивый взгляд, но смолчала.

— Я не стану его исключать. Не стоит ему возвращаться в отцовский замок. Не тот человек Нерон Снейп, чтобы служить для сына достойным примером.

Глава 9. Проступок Северуса.

Собеседница поджала губы и нарочито громко фыркнула.

— Премного слышана. Моя кузина Салли замужем за МакГрегором. К счастью, её общение со Снейпом-старшим оказалось кратковременным, но и этого хватило с лихвой, чтобы составить о нём весьма нелицеприятное мнение, — МакГонагалл заглянула в глаза директору и со значением в голосе добавила. — Между прочим, когда скончалась Маргарита Снейп, Майкл и Салли предлагали Северусу переселиться к ним. Он отказался, — последнее слово прозвучало из её уст, как обвинительный приговор.

— Минерва, ты чересчур категорична. Мы же не знаем причин, которые заставили Северуса отказаться.

— Альбус! Ты знаешь, как я уважаю твоё мнение! Но этот мальчик испорчен! Не знаю, как ему удалось тебя обмануть. Ты слишком добросердечен!

Старик вздохнул, печально глядя на коллегу, но голос остался твёрд.

— И всё-таки, он останется в школе. Я не изменю своего решения. Пусть в наказание отработает две недели у Филча...

МакГонагалл недовольно кивнула и вышла.

Альбус Дамблдор остался один в задумчивой тишине кабинета под пристальными взглядами прежних директоров.

— Ну а ты, Фоукс, со мной согласен?

Феникс музыкально проворковал что-то, понятное только его хозяину, и, спорхнув с жёрдочки, с удобством устроился у директора на плече.

Дамблдор пригладил блестящие красные перья.

— Вот и я так думаю. Северус нас ещё удивит.

Глава 10. Упивающийся Смертью.

Созидающий башню сорвётся,
Будет страшен стремительный лёт,
И на дне мирового колодца
Он безумье своё проклянёт.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрочки.

Не спасёшься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Н. Гумилёв

Худой длинноволосый юноша стоял на коленях посреди огромного каменного зала и не мог оторвать взгляд от своего левого предплечья. Рукав на левой руке был закатан до самого верха, а сама она, белая и тонкая, словно девичья, безвольной плетью свисала вниз. Змея, обвившая тугими кольцами безглазый череп, казалось, смотрела ему прямо в зрочки...

— ...Снейп!

— ...Да, мой Лорд! — юноша опомнился и опустил рукав мантии, спрятав Метку под плотной чёрной тканью.

— ...Позже налюбуйешься! — проскрежетал чей-то грубый смех.

— ...Валден, — мягкий, исполненный отеческой укоризны голос сидящего на каменном возвышении человека, заставил МакНейра стушеваться.

— Простите, мой Лорд...

Высокий человек на каменном троне посмотрел на рыжеволосого долгим, тяжёлым взглядом, и Валден МакНейр, невольно съёжившись, отступил назад, поспешив укрыться за широкую спину Винсента Гойла, первого из сегодняшних новичков, получивших Метку.

— Северус... — мягкий голос заставил стоящего на коленях юношу вздрогнуть. — Пойдём, нам нужно с тобой многое обсудить, — обладатель глубокого низкого голоса обвёл взглядом собравшихся, а их было около сорока человек, и поднялся с трона. — Вставай, — он ласково коснулся левого плеча Снейпа, отчего по телу юноши пробежала сладкая дрожь. — Ритуал окончен, а я — не любитель сидеть на камнях.

Словно шагая по облакам, Северус следовал за высокой статной фигурой своего Лорда и Учителя. Притихшая зала внимала с почтением и завистью. Волдеморт распахнул перед ним дверь, приглашая войти первым. С сильно бьющимся сердцем юноша переступил порог и очутился в небольшом кабинете, отделанном изысканной чёрной кожей. Разительный контраст уютной комнаты по сравнению с обнажённой пустотой громадной каменной залы и отеческая забота Тёмного Лорда — всё это только усилило его трепет и благоговение.

— Северус, — Лорд мягким, настойчивым движением усадил юношу в кресло, сам же остался стоять, склонившись, положив руку с тонкими изящными, словно выточенными из мрамора пальцами на левое плечо Снейпа.

У юноши перехватило дыхание.

— ...Я слышал, ты подаёшь большие надежды?

Северус покраснел.

— Ты лучший выпускник Хогвартса.

Глава 10. Упивающийся Смертью.

Юноша хотел было возразить, но мужчина, не повышая тона, остановил его:

— Успехи в квиддиче меня не волнуют, мой мальчик... — от этого обращения сердце Северуса сладко сжалось. — Тёмные искусства и зелья — вот основа всей магии... Я чувствую, ты станешь великим... Вместе со мной... — слова лились, как музыка, и сердце юноши билось ей в такт.

— ...Знаю, Северус, что никому не смогу доверять так, как тебе... Наши души и судьбы похожи... Я тоже, как и ты, был одинок... — околдованный волшебным звучанием голоса, юноша не скрывал бегущих по щекам слёз. Он невыносимо страдал от рвущей душу жалости к Учителю и ненависти к жестокому, несправедливому миру, причинившему им обоим столько боли.

— ...Никто не приготовит это зелье лучше тебя... — Северус с трудом пришёл в себя, осознав, что Лорд только что поручил ему первое задание.

Он поспешно бросился перед ним на колени, но тот удержал мальчика за плечи и с нежностью прижал к себе. Северус перестал дышать, настолько хорошо ему было сейчас. Юноша не помнил, когда испытывал подобное блаженство. Словно Бог, в существование которого он никогда не верил, спустился с небес и сказал: «Вот я, Северус. Я люблю тебя и отныне всегда буду с тобой».

* * *

— Прекрасно, мой мальчик, — Лорд, стоя у окна, прищурившись, разглядывал образец.

— Не побоишься первым попробовать? — он испытующе поглядел на Северуса.

Тот на мгновение застыл: приготовленное зелье было наркотиком, усиливающим животные инстинкты и тягу к насилию, а также блокирующим действие сдерживающих моральных установок.

— Ну же, — тон Лорда не допускал возражений. — пей!

Юноша сделал первый глоток. А потом всё было просто. Он с жадностью слизнул последнюю каплю и с ненавистью уставился на Гойла, допивающего свою порцию.

— Снейп, Гойл, МакНейр! — низкий голос звучал повелительно, отеческие интонации исчезли, словно их никогда и не было. — Отправитесь в Танбридж-Уэлс. МакНейр руководит группой. Идите!

* * *

Двухэтажный дом на окраине маленького городка. Кусты жасмина. Клумба с астрами. Зелёный стриженный газон. Полосатый шезлонг. Забытый на столике глянцевого журнала с яркими кричащими картинками...

МакНейр нажал кнопку электрического звонка.

Спустя секунду послышались уверенные шаги, дверь распахнулась, и высокий загорелый мужчина в очках и домашнем халате, срезанный жёлтым лучом из палочки МакНейра, хрипя, опустился на порог и затих. Из горла с бульканьем толчками брызгала кровь, оставляя на белом махровом халате чёрные дорожки.

Гойл подбежал и с остервенением начал пинать бесчувственное тело. МакНейр с трудом оттащил его и, криво ухмыляясь, указал на открытую дверь. Из глубины дома послышался сонный женский голос:

— Альфред, кто пришёл?

Гойл молча кивнул, пнул голову лежащего — он заспаял вход, и с палочкой на изготовку кинулся внутрь.

«Почему Гойл? Почему не я?»

Северус бросился в дом, по пути чуть не запнувшись о труп мужчины. Перед глазами плясало розовое марево. Чёрный капюшон Упивающегося Смертью упал за спину. Он жаждал крови, разрушения, хаоса.

Заклинание взрыва — и огромный прабабушкин буфет с грохотом и звоном превращён в кучу пыли, щепок и осколков битой посуды. Откуда-то сверху раздались крики. Северус зарычал и, перепрыгивая через три ступеньки, ринулся вверх по лестнице. Рванул дверь. На смятой супружеской постели Гойл огромной тушей навалился на кричащую женщину. Послышался треск разрываемой материи. Кто-то резко дёрнул Северуса за плечо. МакНейр.

— Что пялишься? — он утробно засмеялся. — И для тебя развлечение найдётся... — он хотел добавить, но красный луч ударил по нему, и МакНейр тяжёлой грудой свалился к ногам юноши.

— Северус! — в голосе девушки звучал ужас, но палочку она держала твёрдо. — Что ты здесь делаешь? — она осеклась, услышав крик матери.

Флора бросилась в распахнутую дверь.

— Ступефай! — гибкое смуглое тело замерло на бегу и безжизненной куклой рухнуло на пол.

Несмотря на рост, девушка оказалась удивительно лёгкой. Блузка распахнулась, и Северус увидел округлую маленькую грудь...

* * *

Сознание медленно, нехотя возвращалось к нему.

Северус приподнял голову и болезненно поморщился: по черепу словно стучали взбесившиеся бладжеры. Где он? Мутная пелена не желала проясняться. Перед глазами стояло обнажённое смуглое тело. Мёртвое.

Северус отёр со лба липкий холодный пот. Его скрутило пополам, невидимая рука схватила желудок и с силой стала выкручивать, до тех пор, пока не стошнило. Северус потянулся в карман за палочкой, чтобы убрать это безобразие. Подбородок дрожал.

Северус сел на край кровати. Голые ступни коснулись ледяных каменных плит. Кажется, он в замке Лорда. Только откуда этот озноб? Почему так мутит? И отчего так мучительно болит голова? Что с ним произошло?

Память услужливо пришла на помощь, и юноша со стоном повалился на пол.

...Входит МакНейр. Мантия в крови. Хриплый смех.

— Снейп, это тебе не первая брачная ночь. Слезай, пора кончать девчонку. Или хочешь дожидаться авроров?

Северуса снова сотрясали рвотные позывы, но желудок был уже пуст. Юношу била дрожь. Во рту стояла отвратительная горечь. По горлу изнутри словно провели напильником.

...Серые пронзительные глаза, смотрящие с лютой ненавистью. Плевок.

— Предатель!.. Убийца!..

Северус зажмурился. Лицо было мокро от слёз. А память прокручивала в голове его же собственный голос.

— ...Полагаешь, мне интересно трахать бесчувственное бревно?.. Фините Инкантатем!

— Я тебя ненавижу!!!

— О, да! Так лучше! Мне нравится, когда ты сопротивляешься!..

Слёз больше не было. Рыдания судорогой сотрясали сжавшееся в комок тело.

— ...Северус, что с мамой? Кто эти люди? Где отец? Куда ты меня несёшь?.. ПУСТИ!!!

Треск ломающейся под ботинком волшебной палочки...

Чёрные глаза на белом лице вспыхнули безумным огнём. Северус поднялся на ноги. Камни! Такие крепкие, прочные, твёрдые камни... Голова с размаху врезалась в стену. Беспамятство спасительным покрывалом окутало мозг.

...Стройная девичья фигурка в школьной форменной мантии. Высокая, статная. Закатанные до локтей рукава открывают загорелые руки — шестикурсники возвращаются с Гербологии...

...Из-под чёрных ресниц на Северуса глядят тёмно-серые глаза.

— И мой любимый предмет — зелья. А меньше всего мне нравятся Арифмантика и Предсказания. Жалею, что не выбрала магловедение — вот уж где я была бы отличницей!..

...На смуглых щеках румянец, ресницы неуверенно дрожат, но голос звонок и твёрд.

— Северус, я слышала, у тебя сегодня день рождения... Вот, — порывистым движением девушка достаёт из-за спины небольшой свёрток в сиреновой бумаге...

...Резкая боль в боку. Хриплый голос пробился сквозь туман.

— ...Что это с ним? — ещё один пинок по рёбрам.

— Угомонись, Валден. Вспомни свой первый раз. Он ещё не отошёл после наркотика... И прекрати его бить, забыл, что Снейп — любимчик Лорда?

— Наркотики — для слабаков. Для таких, как он, — МакНейр снова пнул скорчившегося у стены юношу, отчего тот тихо застонал. — Я никогда зельями не пользовался, ни в первый раз, ни в двадцать первый, — он усмехнулся. — Я, Люциус, помню, как ты всё здесь тогда облевал...

Блондин недовольно поморщился.

— Но ты хоть в обмороки не падал... — МакНейр носком сапога брезгливо поддел безвольно лежащее на полу тело. — Этот соплик никуда не годится. Я б на месте Лорда его списал, — нога палача снова описала дугу, но на этот раз Малфой остановил избиение.

Глава 10. Упивающийся Смертью.

— Прекрати. Если Лорд узнает о самоуправстве, тебе не поздоровится, поверь. А Снейп, пусть он хоть трижды слабак, полезнее десятка таких, как Гойл. Он умён и образован. Пушечного мяса у Лорда и так сколько угодно.

МакНейр со злобой взглянул на собеседника:

— Себя-то ты к мясу, конечно, не причисляешь?

— А у тебя на этот счёт какие-то сомнения? — Малфой улыбнулся, но выражение лица осталось холодно, как лёд.

Юноша на полу пошевелился и хрипло застонал. МакНейр рывком поднял его за шиворот.

— Вставай! Обувайся! Лорд хочет тебя видеть!

Пустые глаза темнели чёрными дырами на мертвенно-бледном лице, парень, казалось, не воспринимал того, что ему говорили. Блондин коснулся его тела в том месте, куда пришлись пинки МакНейра. Юноша вздрогнул и отшатнулся.

— Кретин, ты сломал ему ребро... — сквозь зубы процедил Малфой.

— Ничего, — МакНейр гадко ухмыльнулся. — Спишем на маглов. Скажем, девчонка сопротивлялась! — он хрипло расхохотался.

— Ты о той грязнокровке, Айсривер? Как же, я её помню. Училась в школе на несколько лет младше. Жуткая стерва была и зазнайка. Это Снейп её прикончил? — все слова были произнесены ровным тоном, будто Люциус вёл светскую беседу. Но последнюю фразу он произнёс с явным интересом.

— Да, Снейп. Там он, вообще-то, держался молодцом. Девчонку отделал — любо-дорого было смотреть, — парень, по-прежнему, поддерживаемый МакНейром за шкирку, глухо застонал.

Мужчина встряхнул его и продолжал:

— А в замке раскис, как кисель. Вот Гойл — тот хоть бы хны. Только попросил бутылку огневиски, и никаких соплей.

— Не такой уж он и слабак. Думаешь, задание Лорда — случайность? Думаешь, ему действительно мешали эти ничтожные маглы и жалкая девица-грязнокровка? — Малфой прищурился, свысока глядя на МакНейра, но продолжать не стал. — Энервейт! — Малфой направил палочку на Северуса, чьи мутные безумные глаза бессмысленно шарили по полу.

— Ступай, Лорд хочет тебя видеть.

Шатаясь, Снейп опустил на край кровати и попытался засунуть ногу в ботинок.

Малфой наблюдал за этой сценой с насмешливым любопытством. МакНейр же, наоборот, от нерасторопности новичка пришёл в бешенство. Грязно выругавшись, он схватил палочку, направил на Снейпа, и ботинки сами наделись тому на ноги и зашнуровались. Снейп лишь тупо смотрел на происходящее, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Быстрее! — мужчина грубо рванул его за плечи и вытолкнул в дверь.

* * *

Покачиваясь и хватаясь за стены, Северус брёл по коридору. Его по-прежнему тошнило. Голова раскалывалась от ноющей боли, но мысли, к большому сожалению, стали ясными и чёткими, как и воспоминания. И каждое из них содержало образ убитой им девушки, Флоры Айсривер.

Что угодно, только бы не думать, не вспоминать...

Кабинет Лорда. Чёрная кожа, изысканные, утончённые линии, благородная роскошь... Как же от всего этого тошнит...

— Северус, сынок, ты справился с заданием, я тобой горжусь...

Юноша вздрогнул. Ещё вчера ради этих слов он был готов свернуть себе шею, а теперь пожертвовал бы чем угодно, только бы случившееся оказалось сном.

— ...Следующее задание...

Юноша судорожно сглотнул.

— ...Тебе, наверняка, понравится больше.

Лорд сделал паузу.

— ...Хотя... кто знает? — смех резал по живому. — МакНейр сказал, тебе повезло больше, чем Гойлу: тому досталась старая облезлая магла, а тебе свеженькая грязнокровка?

Снейпа выручило лишь то что, что в этот момент он снова впал в протрацию, и слова Волдеморта прошли мимо его восприятия.

— ...Надеюсь, это зелье тебе известно. Твой предшественник готовил его просто великолепно. Жаль, погиб в стычке с аврами... Тебя я поберегу...

Рука Лорда легла Северусу на плечо.

— Первый раз сложно... Я тебя понимаю... Ты думаешь, мне было легко решиться? А я ведь убил не просто какого-то неизвестного магга, я убил своего отца!.. Но это не люди, Северус, это — всего лишь магги. Поверь, они ничем не лучше животных. Способны только есть, пить и размножаться. Их мозг примитивен, им не подвластна суть вещей, они — лишь жалкие ублюдки, выродки матери-природы. Их предназначение — служить удобрием, больше они ни на что не годны. Маги же рождены чтобы повелевать ими, чтобы пользоваться ими, чтобы решать — жить им или нет.

Лорд опустил в кресло.

— Ты переживаешь из-за грязнокровки?.. — он оценивающе посмотрел на юношу из-под полуопущенных век. — Зря. Ни одна женщина того не стоит, — он закинул ногу за ногу. — Сходи-ка лучше в лабораторию, приготовь себе чего-нибудь успокаивающее... Да, Северус, и не забудь: к утру мой заказ должен быть готов.

Тон Лорда не допускал возражений. Юноша привычно опустил на колено и поцеловал холёную белую руку, руку Хозяина. Левое предплечье покалывало. Волдеморт пристально наблюдал за ним. На уровне инстинкта самосохранения Северус понял, что ему сейчас необходимо сконцентрироваться на мысли о преданности Лорду. Он сделал усилие, и мозг наконец-то вытеснил образ убитой им девушки, дав простор стандартному набору лозунгов из идеологии Упивающихся. Судя по всему, Хозяин остался доволен: в уголках губ заиграла лёгкая улыбка. Северус тяжело поднялся на ноги и отправился в лабораторию, как ему и приказал Лорд.

* * *

...О, Мерлин! Каким же он был глупцом! Как он мог купиться на посулы Волдеморта? И почему? Только потому, что тот отнёсся к нему не так плохо, как остальные?..

...Глупец! Жалкий, ничтожный глупец! Хотел избавиться от одиночества! Обрести смысл жизни! Мечтал найти кого-то, достойного любви и восхищения, следовать за ним, служить ему и его великому делу... ГЛУПЕЦ!!! Придурок, наивный мечтатель, жалкий идеалист — теперь ещё и УБИЙЦА!!!..

...Ещё вчера всё было совсем по-другому — всё! Идеи Волдеморта казались не бредом воспалённого безумием мозга убийцы, а строгими, красивыми силлогизмами, детьми разума и чистой логики... Тёмный Лорд затмил для него образ матери, был единением сути отца и Бога...

...Дьявол! Воистину, каким же он был глупцом, если поверил этому чудовищу!..

Вот и обитая полосами железа дверь лаборатории. Пароль: «вечная жизнь».

Северус с грохотом захлопнул её, представив на секунду, что бьёт не по безответному дереву, а по красивому лицу Тёмного Лорда. «Вечная жизнь»? Кому? Этому извергу, делающему из людей убийц?..

Он подошёл к окну. Лаборатория располагалась на самом верху высокой башни. За серым мутным стеклом открывался роскошный вид. Океан с грохотом и рёвом гнал волны на обрывистый каменистый берег. Белые барашки пены, соревнуясь между собой, кто вперёд, врезались в неподвижную твердь суши, облизывали её и, дразня, возвращались в море, обнажая на отмели полосу мокрой гальки.

Северус рассеянно подумал, что если он откажется выполнить волю Лорда, то ему не жить...

Он бросил взгляд на хмурые острые скалы.

...После того, что он совершил, стоит ли вообще жить?

Он знал, что произойдёт, если он хоть на минуту закроет глаза. Вновь и вновь будет вставать перед ним лицо Флоры Айсривер, живое и мёртвое, — оно будет преследовать его всю жизнь...

...Но оборвать жизнь самому?.. Хотя, что-то в этом есть. Самому решить свою судьбу. Самому вынести и исполнить приговор. Самому поставить точку...

Белые барашки внизу выглядели так заманчиво, так притягательно. Юноша представил, как один из них окрасится в нежно-розовый цвет...

...Нет.

Северус рывком отвернулся.

...Да, он заслужил смерть. Но не слишком ли просто — присоединиться к океанской пене, растворить солёную кровь в солёной морской воде? Это не кара — бегство. От жизни, от ответственности, от себя, от совести... Не выход — тупик...

Глава 10. Упивающийся Смертью.

Пусть сам он, представься такая возможность, не пошёл бы на собственные похороны. Разве что, поглумиться над покойником. Пусть смерть — всего лишь монета. Но бросаться ею — это не по-слизерински: на каждую монету можно что-то купить. Можно. И нужно. Он постарается не продешевить.

...Как спешил он, однако, предложить свою жизнь Лорду... Какое рвение! Какой пыл! Усердие, достойное последнего из идиотов! И кто будет следующий покупатель?

Кто? Конечно же, Альбус Дамблдор...

Юноша отошёл от окна. На его бледно-сером лице впервые с того момента, как он очнулся в замке, поселилась уверенность. Решение было принято.

Море, как ни в чём не бывало, накатывало на берег тугие, упрямые волны, как и сто, и тысячу лет назад. А белые пенные барашки шептались о том, что человек из высокой башни, тот, чьи глаза безжизненной и чернее выжженной земли, пренебрёг их обществом, выбрав самый тяжёлый путь — путь жизни.

Оглавление

Глава 1. Начало.....	3
Глава 2. Детство.....	7
Глава 3. Побег.....	11
Глава 4. Счастье Маргариты.....	15
Глава 5. Отец.....	19
Глава 6. Снова побег.....	23
Глава 7. Мама.....	27
Глава 8. Берта Джоркинс.....	32
Глава 9. Проступок Северуса.....	35
Глава 10. Упивающийся Смертью.....	39